

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРМОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. В. АМФИТЕАТРОВ

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

*Составление, вступительная статья, примечания
Н. А. Гончар, Г. К. Мирзояна*

Ереван
Издательство ЕГУ
2015

УДК 070:94(479.25)
ББК 76.01+63.3(5Арм)
А 631

Амфитеатров А. В.
А 631 Армянский вопрос/ А. Амфитеатров.-
Ер.: Изд-во ЕГУ, 2015.– 108 с. + 2 вкладыша

Настоящее издание приурочено к 100-летней годовщине геноцида армян в Османской Турции. Оно знакомит современного читателя с "армянскими страницами" наследия одного из крупных представителей русской культуры, литературы, общественной мысли XIX-XX веков Александра Амфитеатрова.

УДК 070:94(479.25)
ББК 76.01+63.3(5Арм)

ISBN 978-5-8084-1960-5

© Н. А. Гончар, Г. К. Мирзоян, 2015

© Издательство ЕГУ, 2015

ГОЛОС АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА

1915 год – самая трагическая дата в истории армянского народа. Год, как это знает сегодня мир, совершенного в Османской Турции геноцида армян, унесшего полтора миллиона жизней. Десятилетиями не видевшая «армянскому вопросу» иного решения, кроме как погромы, массовая резня, Османская Турция, воспользовавшись мировой войной как предлогом и имея на то поддержку своего союзника – кайзеровской Германии, развернула чудовищных масштабов акцию, призванную снять для нее этот «вопрос» окончательно, навсегда. Он, однако, остался. Он стоит и сегодня, когда на карте земли существует суверенное государство – Республика Армения, а факт геноцида армян законодательно признан и осужден десятками стран. Одна из этих стран – Россия, военно-стратегический союзник сегодняшней Армении.

Небезучастность к судьбам армянского народа, к трагедии, им переживаемой, нашла свои проявления в России и в 1915-ом. Она проявилась, в частности, в творческой посвященности целого ряда замечательных представителей русской литературы осуществлению изданий, привлекающих внимание общественности к армянам, к их истории и культуре, к их особенному – через тысячелетия – национальному пути, к их веками складывавшемуся национальному образу.

В 1915-ом «самый культурный писатель на Руси» (по известному слову Горького) Валерий Брюсов усиленно и увлеченно работал над созданием знаменитой антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Он прочитал целую библиотеку арменоведческой литературы. Он переводил сам и инициировал переводы, представленные в антологии такими, составляющими, можно сказать, цвет русской поэзии именами, как Александр Блок и Иван

Бунин, Константин Бальмонт и Федор Сологуб, Вячеслав Иванов и Владислав Ходасевич. Он составлял, редактировал, писал вступительную статью и большой историко-литературный очерк «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», который завершил такими словами: «Сквозь черные тучи, столько раз заволакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне огненные лучи его поэзии. Это сияние кажется нам лучшим обетом и для исторических судеб Армении в будущем... Перефразируя слова Тургенева, мы можем сказать с твердым убеждением: «Нельзя верить, чтобы такая поэзия не была дана народу с великим будущим»».

В 1915-ом в России, под редакцией Максима Горького, готовилось еще одно капитальное издание – «Сборник армянской литературы», представляющий страницы как поэзии, так и художественной прозы и драматургии.

Если оба эти издания, появившиеся спустя всего лишь год – в 1916-ом и распространившие в России знания об армянском народе как о создателе, носителе и в древности, и в современности достойной войти в мировую сокровищницу высокой культуры, осуществлены были с приложением коллективных усилий и сегодня достаточно хорошо известны как замечательные вехи в истории русско-армянского литературно-культурного братства, то как результат исключительно личной инициативы и большого труда в одиночку вышло в свет в Петрограде в том же 1915-ом историческое сочинение «Армения и Рим». Это была книга первая в дилогии «Царство зверя», представленной одним из томов (33-ьим) издававшегося с 1911-го по 1916 год тридцатисемитомного собрания сочинений Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938), писателя в начальные десятилетия века самого, можно сказать, «читаемого на Руси». Об Армении, о ее историческом прошлом, о ее путях и положениях, событиях и лицах, перипетиях судеб в глубокой древности рассказывал очень широкой своей читательской аудитории автор, до этого уже не раз писавший о путях и положениях армян в современности,

горячо поднимавший «армянский вопрос» в своей всегда злободневной и смелой, будоражающей общество талантливой публицистике. Так что и в сочинении, обращенном к далекому прошлому, перекидывались мостки к большим вопросам, к тревогам нового времени. И делалось это, к примеру, таким вот образом: «На первом плане грандиозного театра военных и дипломатических действий, столь решительных, как мы видели, для судеб античного мира и столь важных по конечному результату своему в общем процессе культуры Старого Света, – у рампы его, так сказать, – перебивали кратко-временно и по очереди едва ли не все малоазиатские государства. Наконец, роль первой актрисы в тягостной трагедии этой досталась Армении и осталась за нею надолго – не на десятки, а на сотни лет» (с.37); или еще: «Эти условия сделали Армению, в глазах всего античного мира, как бы ключом к «восточному вопросу», тревожному для древних не менее, чем в наши времена» (с.44).

Позволим себе здесь небольшую реплику: не откликаются ли эти столетней давности замечания писателя, погрузившегося в события античной истории, не только в его, но и в наших временах? В сегодняшнем «театре военных и дипломатических действий» и на Ближнем Востоке, и в Закавказье? Не стоят ли на повестке дня и сегодня тревожные вопросы, касающиеся этого региона и, в частности, «ключевые» для Армении?

Думается, что ответы здесь могут быть только утвердительными.

Думается также, что вполне своевременно вспомнить и почитать сегодня и рассказанное Амфитеатровым как историком о древней Армении (пусть даже многое в этом рассказе обусловлено уровнем знаний и суждений тогдашней исторической науки, тогдашнего арменоведения), и, в особенности, опубликованное Амфитеатровым в начале XX века по «армянскому вопросу» – как публицистом, который со всею остротой, со всею полнотой освоенности материала, со всею живостью, естественностью и демократичностью речи представлял на страницах русской газетно-журнальной периодики своего времени относящиеся к общегосударственной жизни политические, социальные, культурные темы.

Почему, однако же, «вспомнить»? Да потому что, в отличие от Брюсова, а тем более Горького, имя, фигура, творчество Александра Амфитеатрова – блестящего публициста, прозаика – автора многочисленных романов, повестей, рассказов, театрального и литературного критика, мемуариста, историка – на все советские десятилетия оказались отчужденными от читателя, словно и не было его – такого яркого, активного, плодовитого и популярного – в русской литературе и общественной жизни целой эпохи. В дооктябрьское время на Амфитеатрова, либерала и демократа, критиковавшего русскую монархию, ее внешнюю и внутреннюю политику, действия правительства, литератора, выносящего на обозрение язвы социальной и государственной жизни, не раз обрушивались кары. В 1902 году он был арестован и сослан за самый популярный в истории русской журналистики фельетон «Господа Обмановы», уязвляющий самих монархов – Романовых, а поместившая этот фельетон-памфлет газета «Россия» была закрыта. Затем последовали еще две ссылки, а в 1905 году, получив на то разрешение, писатель эмигрировал в Европу и провел в эмиграции одиннадцать лет. Надо сказать и то, что за время эмиграции в издательствах России вышло более тридцати его книг, причем многие из них и переиздавались. Когда в 1916-ом прощенный писатель вернулся в Россию, завершилось и издание 37-томного собрания его сочинений. Совершившуюся вскоре Февральскую революцию Амфитеатров приветствовал, однако большевистский переворот встретил с протестом, трижды был арестован, наконец в 1921 году тайно, вместе с семьей, ему удалось перебраться в Финляндию, еще семнадцать лет прожил он теперь во второй эмиграции – в различных странах Европы, умер и был похоронен в Италии, в Леванто. И в эмиграции продолжал писать, Советскую – большевистскую – Россию не признавал и свое неприятие ее открыто высказывал. Понятно, что и сам он при этом в советские времена был исключен из русской литературы.

Вспомнить об Александре Амфитеатрове и положить начало возвращению его произведений к читателю стало возможно с конца восьмидесятых годов минувшего века. Первое издание его прозы

появилось в 1989 году, затем последовали другие, в 2000-2003 гг. вышло в свет далеко не полное, но достаточно представительное собрание его сочинений в десяти томах. Амфитеатрова снова читают, его разножанровое творчество изучают, анализируют с различных точек зрения, осмысливают и оценивают литературоведы. Его немало уже издано, о нем немало написано.

Стоит отметить, что свою инициативу в возвращении Амфитеатрова проявил одним из первых журнал «Литературная Армения», в двух номерах 1989 года опубликовав его «Армянский вопрос», с большой вступительной статьей и пространными примечаниями А.Асланяна. Сегодняшняя общественно-политическая ситуация, как и сегодняшние геополитические расклады, и, конечно же, столетняя годовщина геноцида армян в Османской Турции актуализируют для нас новое, в свете уже современных реалий, прочтение того, что было написано по этому вопросу русским публицистом в начале прошлого века.

В 1896 году, когда султаном Абдул-Гамидом в Турции была запущена массовая резня армян, Амфитеатров в числе немногих русских журналистов отправился в Константинополь и стал свидетелем творившегося там ужаса. Основываясь на реальных фактах и впечатлениях, вынесенных им непосредственно с «места действия», и обратился он к освещению «армянского вопроса» в ряде своих публицистических статей, заостряя при этом внимание на политике держав и, в частности, на российской в этом вопросе. Переиздавая в 1907 году книгу «В моих скитаниях», писатель в предисловии к ней отметил: «Добавленные мною три довольно большие статьи по «Армянскому вопросу» – результат газетной кампании pro Armenia, которую вел я в 1905 и 1906 гг. в нескольких русских периодических изданиях».

Две статьи, вышедшие в 1906-ом отдельной брошюрой, целесообразно, на наш взгляд, прочитать и сегодня.

Почему настоящее издание представляется целесообразным в связи со 100-летней годовщиной геноцида армян? Казалось бы, вокруг этой трагедии, пережитой армянским народом, сложилась на

протяжении века огромная литература. Изданы многие тома архивных документов, воспоминания спасшихся от ужасов резни, основательные исторические труды, произведения прозы и поэзии, вдобавок к тому созданы документальные и художественные фильмы, а также и другие произведения искусства, и все же, несмотря на это, остается еще немало нуждающегося в освещении и осмыслении произошедшего.

Труд Амфитеатрова примечателен и важен сегодня тем, что проливает свет на развернутый уже султаном Абдул-Гамидом идейный, психологический, политико-дипломатический и практический процесс, который, явившись основательной подготовкой, в 1915-ом вылился в чудовищные действия правительства младотурок.

Очень важно и примечательно сегодня и то, что освещает и осмысляет факты, события автор, хорошо осведомленный относительно процессов, имевших место в мировой политике на рубеже XIX-XX веков, особенно же в России и в Турции, в частности – относительно перипетий с «армянским вопросом» от печальной памяти Берлинского конгресса и до начала XX века. В своем анализе и в своих выводах автор выступает не как армянофил или тюркофоб, а только и только как здраво, реально и гуманно мыслящий публицист, который до поры до времени не высказывался, но наконец не выдержал и поднял голос протеста против бесчинств и зверств, творящихся на глазах у цивилизованного мира. Причем, заметим особо, он подверг острой критике не только европейские державы, но и правительство собственной страны и ее горе-дипломатов – за проводимую ими неразумную политику, за проявленное ими безмолвование и безразличие в армянском вопросе. «Нейтралитет держав, – пишет он, – в том числе и нашего отечества, был соблюден с такою строгостью, что некоторые армяне, все-таки ускользнувшие от потопления, не были приняты европейскими шлюпками и, достигнутые преследователями, погибали на глазах тех, у кого молили защиты».

Наконец, очень важно то, что писатель-гуманист не ограничивается обличением проводимой правящими кругами больших государств конъюнктурной, недаленовидной, аморальной и антигуман-

ной политики. Со всюю пронизательностью он вскрывает и показывает, сколь великую роль в развертывании трагических событий истории играет общественное мнение, особенно же укорененные в сознании и психологии широких масс общества, а зачастую и передовых его представителей превратные, ложные представления. Развороту подобных трагедий, говорит Амфитеатров, предшествует идейная подготовка, то есть обработка общественного сознания, что и осуществлялось Абдул-Гамидом в течение десятилетий. Обстоятельство, заметим, чрезвычайно важное отнюдь не только в отношении прошлого, но и для трезвого, адекватного понимания происходящего в настоящем, а главное – во избежание или, по крайней мере, во смягчение подобного в будущем.

Наблюдая, как беззастенчиво дезориентируют общественное мнение некоторые органы русской прессы, «я попробовал возвысить голос, – говорит Амфитеатров, – против всей этой системы клевет и ... статья моя, обоснованная живыми свидетельствами и рядом фактов широко открытых к проверке, не могла быть напечатана! Возвращенная мне корректура до сих пор покоится в моем архиве, как печальный памятник неудачи, в которой бюрократическая тенденция зажала рот голосу правды и приказала смотреть на действительность слепыми глазами».

В наши дни правящие силы Турции, избегая встречи лицом к лицу с историей собственного государства, изыскивают всевозможные сомнительные средства, дабы дезориентировать мировое общественное мнение, сокрыть совершенное их правопредшественниками преступление или хотя бы фальсифицировать, извратить историческую правду, действительность. Среди попыток, направленных на отрицание геноцида армян 1915 года, надуманный призыв правящих кругов Турции и их иностранных подголосков предоставить определиться по этому вопросу историкам*. Думается, что эта книжка дает безоговорочный ответ авторам и соавторам подобной нелепицы, по-

* Об этом см.: **Грачик Мирзоян, Наталия Гончар**. Почему суд по факту геноцида армян Турция призывает доверить историкам. Ереван, изд. ЕГУ, 2012.

сколько реальные события представлены и проанализированы в ней Александром Амфитеатовым как их современником и очевидцем.

Мы выделили здесь лишь некоторые актуальные стороны описанного и высказанного некогда Амфитеатовым, внимательный же читатель, можно не сомневаться, заметит еще немало созвучного и общественно-политическим, и международно-политическим проблемам, волнующим нас сегодня.

Глава из книги «Армения и Рим» в факсимильном воспроизведении и мемуарные страницы о Г.А.Джаншиеве, включенные в состав книги как «Приложение», полнее покажут читателю, насколько тема Армении и армян занимала внимание одного из крупных представителей русской культуры, литературы, общественной мысли.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

В феврале 1896 года я приехал в Константинополь из Софии – с торжества присоединения к православию болгарского престолонаследника. Константинополь был ещё полон следов недавней «революции», как почему-то называли в городе только что пережитую бойню армян подонками мусульманского Стамбула, организованную полицией султана Абдул-Гамида, под охраню регулярных войск. Я остановился в давно знакомом мне маленьком «Ho'tel de France», где хозяином был венгерец и, следовательно, туркофил уже в силу национального происхождения. Не знаю, где теперь находится герр Франкль, ибо в 1901 году я не нашёл в Константинополе ни его, ни его отеля. Но уповаю, что, нажившись до рантьерства, он обратился к карьере политической, потому что даже и между приезжими дипломатами посольства я почти не встречал более основательного изучения, более глубокого понимания и более тонкой чуткости в предвидении восточных дел, чем у этого интересного человека. Повторяю: он был туркофил, как большинство европейцев, льготно обитающих и промысляющих в Пере¹ под охраню посольств, делающею совершенно незаметным местно тот деспотический режим, которым стиснуты не только страна, где они живут, но даже и кварталы самого Константинополя. В Пере пред европейцем всё гнётся в кольцо; в Галате у мусульманской полиции только и забот, чтобы охранить франкскую буржуазию и промышленную мастеровщину от международного, но христианского хулиганства, что осело по береговым линиям Турции со всех стран света и, слиянием своим

¹ **Пера и Галата** – кварталы Стамбула. Оба эти квартала Нового города, в отличие от турецких кварталов Старого города, были преимущественно европейскими, жили в них христиане. Азиатская часть города называлась Скутари. За бухтой Золотой Рог находилась Топхана, т.е. пушечный двор, примыкая с востока к Галате.

образовав странную расу левантийцев, хозяйничает в европейских кварталах больших городов, как в своих собственных вертепах; в Стамбуле европейцу, если он не англичанин, уже благоразумнее не удаляться за линии Старого Базара и Айя Софии, с площадью Гипподрома; а на азиатском берегу, в Скутари, и в англичан часто летят камни. Так вот – даже туркофил, до глубины коммерческого сердца своего благодарный оттоманскому правительству за капитал, нажитый под его эгидою, и всею душой презирающий всяких болгар, армян, македонцев и младотурок², которые дерзают поднимать голос свободы и даже оружие против благой власти его величества падишаха Абдул-Гамида, – даже он, рассказывая мне об ужасах истребления беззащитных людей правильно вооружённым и организованным негодяйством, не мог удержаться от слёз, – говорил, бледный, трепетный, потрясая поднятыми к небу руками.

- Это звери, синьор Алессандро, - воскликнул он: мы с ним всегда говорили по-итальянски, – это сущие дикие звери! Их надо держать в клетках на цепи ... О! как раскается когда-нибудь – и, поверьте, скоро! – Россия, что позволила им ослабить свои цепи и выглянуть из клеток.

На русских стационарах офицеры дипломатничали, играя в молчанку, но прорывались хмурыми фразами недовольства и недоумения, зачем международная эскадра опоздала к страшным дням, когда могла прийти вовремя? Зачем «Донец» простоял, молча, перед Топ-Хане, когда малейшей демонстрацией в центре ветхого города, – в который, без дозволения турок, равно трудно войти и из Чёрного

² Младотурками называли себя с 60-х годов XIX века сторонники обновления политического строя в Турции. В 1889 г. они объединились в организацию «Единение и прогресс», руководящую роль в которой взяло на себя турецкое офицерство. В июле 1908 г. военное давление офицеров заставило султана Абдул-Гамида восстановить конституцию 1976 г. и окружить себя министрами-младотурками. Попытка Абдул-Гамида противостоять давлению лидеров «Единения и прогресса» окончилась его низложением и возведением на престол его брата Мехеммеда V, который всецело подчинился военной партии, в частности, поднявшимся на политические высоты Энвер-бею и Талаату. Младотурки были у власти с 1908-го по 1918 г., с 1913 г. реально правил страной триумвират – Энвер, Талаат и Джемаль, которые, используя революционную фразу и атрибутику, на деле сохранили деспотию, угнетение национальных меньшинств, вплоть до геноцида.

моря по Босфору, и из Средиземного моря через Дарданеллы и Мраморное море, но который совершенно беззащитен, как скоро в него вошли, и может быть обращён в прах несколькими десятками залпов, что туркам очень хорошо известно, – когда малейшею демонстрацией могли быть предотвращены тысячи жертв? Было трудно сдерживать на борту матросов, потому что они видели и слышали, что происходило на берегу, и рвались к вмешательству. Моряки с коммерческих судов, не связанные служебной дисциплиною, рассказывали события, конечно, с большею откровенностью. Самым страшным эпизодом бойни было ночное опустошение армянского квартала, где константинопольская полиция подозревала лагерь, так сказать, будущей армии армянского революционного движения. Здесь работали уже не «сволочные люди», как выражался о хулиганстве наш юридический язык в XVII веке, но войска местного гарнизона. Сонных, ничего злого не ожидающих людей резали врасплох, как баранов, – без выстрела: пущены были в ход лишь приклад, штык, тесак и дубина с чугунным набалдашником – орудия молчаливые, но страшные в решительных и опытных руках. Сдаваться на волю победителей, просить о пощаде помогало столько же мало, как и защищаться – голыми руками! Трупы грузились в старые каюки, хорошо заваливались камнями, увязывались верёвками и затем вывозились на Золотой Рог, где, подальше от берегов, пробоина в носу или под кормою опускала каюк на дно. Затем, когда убийство утомилось брызгать кровью и мозгами человеческими, полиция стала топить живых людей. По крайней мере, десять человек на разных европейских судах константинопольского порта рассказывали мне, слово в слово и с одинаковым ужасом, как заря обнаружила им, – бессильно наблюдающим со своих палуб, лишённым какой-либо возможности вступить, – эти трагические каюки, с которых, как куклы, падали в воду связанные по рукам и ногам люди, с заткнутыми ртами, и ряд полицейских каюков следил, чтобы никто не выплыл, и, если жертва не сразу шла ключом ко дну, но барахталась на поверхности, её добивали вёслами. Нейтралитет держав, в том числе и нашего отечества, был соблюден с такою строгостью, что некоторые армяне,

всё-таки ускользнувшие от потопления, не были приняты европейскими шлюпками и, настигнутые преследователями, погибали на глазах тех, у кого напрасно молили защиты. Только французы не выдержали характера – кое-кого приютили.

Все эти ужасы принадлежат уже истории, и ни для кого не тайна, что в этом злосчастнейшем событии роль пассивной, но, тем не менее, решающей причины сыграла роковая ошибка тогдашней нашей русской дипломатии. Последняя, во временном увлечении своим панславистическим идеалом восьмидесятых годов, сперва, что называется, «запустила» армянский вопрос, не обращая внимания на требовательность, с какою оживил его §61 Берлинского трактата, а потом и вовсе повернулась к армянам спиною – подозрительная и враждебная, потому что султан Абдул-Гамид успел внушить петербургским сферам, со свойственным ему талантом современного Макиавелли³, жесточайшие предубеждения против армянского национального подъёма, представляя его отраслью международной социальной революции. Печальное и непоправимое заблуждение Нелидова и Лобанова-Ростовского⁴ заставило русское правительство

³ **Макиавелли, Никколо ди Бернардо** (1469–1527), итальянский политический деятель, писатель и дипломат. В своем трактате «Государь» выдвинул «государственный интерес» в качестве основного принципа политики, оправдывающего любые, даже самые неблагоприятные, средства для достижения цели.

⁴ **Нелидов, Александр Иванович** (1835-1910), русский дипломат, пользовавшийся поддержкой консерваторов. Перед русско-турецкой войной 1877-78 гг. был советником посольства в Константинополе, во время войны начальник дипканцелярии главнокомандующего армией на Балканах, один из авторов условий Сан-Стефанского мирного договора, в подписании которого участвовал вместе с Н. П. Игнатьевым. С 1883 г. – посол в Турции. Как автор Сан-Стефанского договора Нелидов отрицательно относился к Берлинскому трактату и практически не следил за его исполнением Турцией в части положения армян и других христианских народов.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович (1824–1896), князь, русский дипломат. С 1856 г. советник посольства, в 1859-63 гг. посланник в Турции. В 1878 г. назначен послом в Константинополь. Стержнем его политики был следующий принцип: если Россия должна идти на уступки, то уступать она должна не Европе, а непосредственно Турции, чтобы не раздражать ее. С 1895 г. – министр иностранных дел России, защищал концепцию переноса центра тяжести русской внешней политики на Дальний Восток, не встречая в «мелочи» невыполнения Берлинского трактата Турцией.

умыть руки в судьбе армян. Была произнесена знаменитая фраза, что «Россия не хочет второй Болгарии» - *carte blanche*, чтобы все незначительные реформы, какими Берлинский конгресс указывал армянскому народу тропинку в автономии, мгновенно очутились под суком; и для Малой Азии открылась эра террора, беспримерного в европейской истории. Сасунские ужасы 1894 года далеко оставили за собою и Варфоломеевскую ночь, и Сицилийскую вечерню, и Кровавую Баню Христиана II⁵, и даже Казанлыкскую резню болгар в Долине Роз, воследовавшую после необдуманного набега и вынужденного отступления генерала Гурко⁶.

За ошибочную политику умовения рук в приговоре, зависевшем всецело от её воли, Россия заплатила сперва потерю политического авторитета в Малой Азии и доверия христианских народностей, которые ранее полагали в ней единственную надежду своего освобождения; затем – ужасными закавказскими беспорядками, которые, начавшись спорадическим разбойничеством разных Кяримок, Наби и Мурзакуловых, разгорелись впоследствии в пожар, уничтоживший бакинскую нефть⁷.

61 параграф Берлинского трактата, которым воля Европы пред-

⁵ Варфоломеевская ночь – резня протестантов-гугенотов в Париже в ночь на св. Варфоломея с 23 на 24 августа 1572 г. в связи с бракосочетанием гугенота Генриха Наваррского с сестрой короля Карла IX, Маргаритой, устроенная с согласия Карла IX Екатериной Медичи, стремившейся покончить с оппозицией массовым истреблением гугенотов.

Сицилийская вечерня – первый французский погром в Палермо на острове Сицилия 30 марта 1282 г., в результате которого погибло несколько тысяч французов, а остальные вынуждены были бежать на континент.

Кровавая баня Христиана II (или: Стокгольмская кровавая баня) – казнь 82 светских и духовных сановников Швеции датским королем Христианом II (1481–1559), объединившим всю Скандинавию.

⁶ **Гурко, Иосиф Владимирович** (1826–1901), генерал-фельдмаршал, участник крымской кампании и подавления польского восстания 1863 г. Проявил себя во время русско-турецкой войны 1877–78 гг., назначался генерал-губернатором Петербурга (1879), Одессы (1882), в 1883–94 гг. был Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа, сторонник сурового репрессивного курса.

⁷ Вероятно, имеется в виду сильный пожар, вспыхнувший в октябре 1903 г., когда полностью было уничтожено 30 буровых вышек и огромное количество резервуаров и нефтехранилищ.

назначала Армении те же реформы, что параграфом 23 она обещала Македонии, нисколько не подвинул вперёд благосостояние и правовое положение армянского народа. Что 61 параграф не выйдет из области теоретических предначертаний и осуждён со временем засыпать в мёртвую букву, это не только предчувствовали, но и отлично знали все, подписавшие 13 июля 1878 года в Берлине исторический акт – символ победы европейской дипломатии над русским оружием. Надежда реформ была брошена армянам, как нравственная подачка, как фальшивая милостыня нищему, мимо которого неловко пройти человеку благотворительному, вовсе ничего не дав на его вопиющую бедность, но серьёзно помочь и нечем, и не хочется. И вот, суёт благотворительный человек в протянутую руку ... не ходящую в государстве мелкую иностранную монетку: на, мол! отвяжись! Что усердие подать с моей стороны было – Бог видит; ну, а что милостыня моя тебе не в пользу, это уже не моя вина, твоё дело ... приспособляйся!.. К сожалению, благодетельствуя армянам монетою вне обращения, державы не сообразили степени и меры, до которых домучена злополучная нация. Они не приняли в расчёт, что утопающий хватается за соломинку и что армяне, в своём отчаянии, всё-таки начнут «приспособляться», чтобы из лукавого теоретического миража европейской помощи выжать для себя какое-либо реальное, практическое благо. Осенившие угнетённую страну надежды разбудили народное самосознание, – в рабах проснулась гневная совесть свободного человека. Европа поманила армян на волю, и они ринулись к воле. Сперва – в наивных упованиях на твёрдость политического честного слова, полученного ими от держав, – они протестовали громкими жалобами, ропотом и стоном народного брожения; потом, – когда убедились, что плачутся перед глухим и показывают свои раны слепому, – вооружённым противодействием варварствам турецкого произвола, партизанскою инсurreкцией⁸, четами сасунской самозащиты Андраника, Вахана, Кеворка и др.

⁸ Инсurreкция – вооруженное восстание более или менее значительной группы населения против государственной власти, считаемой незаконной, участники восстания – инсurreнты.

Никогда ни одно освободительное движение не было предано и оставлено в жертву насилию с большей жесткостью, чем армянское. Вместо чаемой помощи Европы, повстанцы встретили самое откровенное недоброжелательство всех великих держав, за исключением слабосильной Италии, слишком недавно завоевавшей свою собственную свободу, чтобы изменять свободе других. Все остальные государства, материально заинтересованные в Малой Азии, оказались в армянском вопросе безнадёжно связанными либо соперничеством влияний и борьбою за преобладание на Ближнем Востоке, как Англия и Россия; либо, как Германия, искусною политикою Абдул-Гамида, которую Франсис Прессансе остроумно назвал «политикою давания на чай» (*politique de rougboire*); либо подчинённым положением воле другой державы, как, со времени франко-русского союза, Франция; либо, наконец, совершенно точными и определёнными программами своей территориальной политики, как, например, Австро-Венгрия с её методическим движением к Эгейскому морю и глубоким равнодушием к вопросам Востока, выходящим за пределы этой практической задачи. Армянское движение не только не встретило сочувствия у правительств Европы, но столкнулось с прямой антипатией их: оно всем мешало, как внезапная бестактность политической искренности и как угроза той великой условной лжи, что известна в политике под безрадостным именем «вооружённого мира». Оно не только осталось одиноким, ему суждено было сделаться гонимым.

Правительства Англии и Германии весьма долгое время считали армянское движение результатом русской агитации, прокладывающей путь к будущим территориальным захватам в Малой Азии, простирающей правую руку к Босфору, а левую – на Персидский залив, к выходу в Индийский океан. Это убеждение проникло и в общественное мнение – особенно второй из двух названных стран. Одна из важнейших причин малой популярности армянского вопроса в Германии есть именно питаемая от двора константинопольского, а отчасти и имперского германского клевета, будто вся армянская неурядица – не что иное, как ловкая интрига русской завоевательной поли-

тики, и армяне с их неустанным национальным движением не более, как русские агенты, осуществляющие сознательно и бессознательно грандиозный план международной провокации к европейской войне. Несмотря на то, что Россия дала бессчётно много наглядных и, надо говорить откровенно, весьма прискорбных доказательств своего глубочайшего равнодушия (чтобы не сказать более!) к судьбам армянского народа, сплетня держится крепко – даже до сих пор. У армян в Германии есть очень преданные и убеждённые друзья, как, например, профессор фон Бар (делегат Гаагской конференции), директор Берлинской обсерватории В.Форстер, известный социал-ревизионист Бернштейн и др. Армянофилом был и покойный историк Теодор Моммзен. Но и предубеждение вышеизложенной сплетни разделяется многими недюжинными умами даже в передовых общественных группах. Главный контингент германского армянофильства поставляют протестантские миссии на Ближнем Востоке и соприкасающиеся с ними филантропические общества и учреждения с известным dr. Лепсиусом и Рорбахом во главе. Но, строго ограниченные кругом религиозной пропаганды и благотворительной деятельности, немецкие миссии, из всех наиболее покровительствуемые любезностью султана Абдул-Гамида, тщательно оберегают себя от соприкосновения с какою бы то ни было политикою. Страх компрометировать своё «царство не от мира сего» пред царством всецело и даже чересчур от мира сего лишает их симпатии практической силы и прикладного значения в широком, национальном масштабе. Это помощь – весьма многим, может быть, - нуждающимся в ней армянам, но не армянскому народу. То же самое приходится сказать о миссиях Дании, Голландии, Бельгии, Соединённых Штатов, да, пожалуй, и Франции. Все они слишком дорожат свободой религиозно-культурной благотворительной пропаганды, чтобы рисковать политическими протестами, которыми, иначе, в этой адской стране гонений, в этом Дантовом аде на поверхности земли, им пришлось бы наполнить всю свою деятельность.

Затем, что касается Германии, не следует забывать некоторой пассивности в её общественном мнении по вопросам внешней поли-

тики. Германская империя ещё так молода, ещё так полна борения внутренних сил, укрепляющих демократические устои общеимперской и союзных конституций, что её политическим людям – не до чужих нужд: свой дом полон хлопот, требующих спешной и непрерывной работы; немцы ещё свои крыши не кончили строить. Поэтому, насколько сильно влияние германского общественного мнения на внутренние вопросы, настолько же слабо оно в вопросах внешних, почти что монополизированных императором Вильгельмом II в своё властное распоряжение. О Вильгельме же автор меткого определения турецкой «политики давания на чай» Франсис Прессанс справедливо заметил на одном митинге, что «царственный Лознгрин, блуждающий рыцарь Лебеда» попался на коммерческую удочку султана Абдул-Гамида – первый из всех европейских государей. В самом деле, Вильгельм II, как вождь пангерманизма и тевтонского Kulturkampf'a, успел покорить безденежную Турцию германскому капиталу, экономически закабалить Малую Азию и знаком своей победы поставил в Константинополе весьма великолепный, но нельзя сказать, чтобы изящный, фонтан на старом византийском Гипподроме. Однако, в этой победе есть нечто, напоминающее известную побасёнку об охотнике на облаве:

- Медведя поймал!
- Тащи сюда!
- Да не пускает!

Не отрицая серьёзности материальных выгод, приобретённых германским капиталом через экономическое завоевание Малой Азии, нельзя не видеть с ясностью, что Германия сама не заметила, как продала за эту чечевичную похлёбку свою нравственную свободу в турецкой политике, а император Вильгельм, поработав, поработился в необходимость солидарности со своим «другом» Абдул-Гамидом. Нет никакого сомнения, что Вильгельм II, как государь образованный и христианского воспитания, не может не возмутиться ужасами турецкого режима в Армении и Македонии. Нескромные мемуаристы огласили целый ряд злейших и часто остроумных насмешек и колкостей, сказанных германским императором в интимном

кругу по адресу своего приятеля из Стамбула. Но «царственный Лознгрин» убил в Турции слишком много миллионов и своих собственных, и государственных, и частных германских. Он очутился в положении чересчур слепого кредитора, который, поместив капитал не в очень-то надёжные руки, платит за свой риск постоянным трепетом за каждую заминку в делах, за каждую семейную неприятность, за каждую лихорадку своего неоплатного должника: вдруг обанкротится? Вдруг умрёт? Вильгельм II – побеждённый победитель. Абдул-Гамид, со свойственным ему лукавым гением, предоставил императору всю внешность победы, а себе взял всю суть, как в сказке «тебе вершки, а мне корешки»! Он приобрёл в императоре Вильгельме верного сторожа, лично заинтересованного в сохранении действующего турецкого режима, так как всякая революция, династическая перемена или перевес влияния какой-либо соперничающей державы разорят германский капитал. И вот – мы видим, что Вильгельм в вопросах о христианских народностях Востока бессильно двоится на белое и серенькое, либо даже чёрненькое дело. В 1902 году армяне нашли доступ к Вильгельму через одного профессора, слывающего его личным другом. Ответ был самый любезный и сочувственный принципиально, но - «ещё не пришло время ставить армянский вопрос на политическую почву». Протест германского посольства против сасунских убийств 1904 года мог только рассмешить Абдул-Гамида, потому что, покуда дипломатия грозила султану формальными представлениями, император Вильгельм прислал ему успокоительное письмо, с советами держаться достойно самодержавного монарха и памятовать, что в его подданных никто не волен, кроме Бога, дарующего своею милостью власть, да его, султана, тени Аллаха на земле.

Долгая подозрительность Англии, не оказались бы армяне аванпостом русского движения в глубь Азии, как были они таким аванпостом до сих пор в течение почти трёхвековой борьбы нашей с турками, поколебалась отчасти под влиянием слишком очевидного отвлечения русской внешней политики от интересов Ближнего Востока на Восток Дальний, главным же образом под давлением обществен-

ного мнения, пробуждённого донесениями малоазиатских миссионеров, не убоявшихся перейти с религиозной почвы на политическую. Громовая речь покойного Гладстона⁹ повернула политику Англии в новое русло, благоприятное армянам. Назрел вопрос вмешательства. Англия не из тех государств, которые любят рассыпать благодеяния даром, но в 1894-96 годах её поведение в армянском вопросе можно считать совершенно бескорыстным: единственным двигателем был ужас, внушаемый обществу трёх Соединённых королевств крестовую проповедь Гладстона после Сасунской войны. Вопреки уверениям тогдашней русской официозной печати, английские симпатии к армянам не имели задних целей, направленных против русского престижа. Англия тогда даже не была против плана поручить проведение армянских реформ России. Герцог Аргайльский заявил громкою брошюрою, что даже протекторат России над Малой Азией он предпочитает продолжению кровавого режима массовых убийств, которые «Красный Султан» возвёл в правильную, чуть не механическую систему. Английские политики гладстоновской школы и гладстоновых традиций до сих пор повторяют, что удовлетворительно разрешить армянский вопрос в состоянии только Россия.

Попытка Англии в 1896 году положить конец неистовствам султана и страданиям армян потерпела неудачу, столкнувшись с категорическим отказом России, волю которой, как эхо, повторила Франция устами своего министра Ганото¹⁰. Англия оказалась вдвоём с слабосильною Италией, неспособною принять серьёзное участие в необходимом давлении на турецкий произвол, обставивший себя, как стенами крепости, терпимым нейтралитетом одних держав, откровенным покровительством других. Неудача очень обескуражила

⁹ **Гладстон, Вильям** (1809–1898), знаменитый английский политический деятель, четырежды избирался премьер-министром, свыше 60 лет был членом парламента, около 30 лет занимал те или иные министерские посты. Неоднократно выступал в парламенте в защиту Греции, Болгарии и Армении. В декабре 1894 г. принимает армянскую делегацию и произносит горячую речь против турецкой политики в Армении, позднее выступает по армянскому вопросу на многотысячном митинге.

¹⁰ **Ганото, Габриэль** (1853-1944), французский дипломат, историк, журналист. Дипломатическую карьеру начал в 1879 г., в 1894-98 гг. занимал пост министра иностранных дел.

Англию и сочувственные армянам прогрессивные круги Европы. С этого момента армянский вопрос как бы угас на Великобританских островах, а Трансваальская война¹¹ совсем уже зарастила его травой забвения. В 1904 году, когда армяне Сасуна опять заставили мир говорить о новых несчастьях, уготованных им беспощадною волею Абдул-Гамида, армянофил Бентинг, редактор «Contemporary Review», откровенно признавался, что ещё два года назад он ни за что не поверил бы, будто армянский вопрос в состоянии всплыть наверх с глубокого дна, куда он было опустился.

Всплыл же армянский вопрос во Франции. Конечно, не Франции официальной, которая в это время шла более, чем когда-нибудь, на поводу русской бюрократической реакции, открыто враждебной армянам, как элементу, оказавшемуся неподатливым на русификацию и усиленно рекомендуемому из Константинополя за неисправимого проводника интернациональной революции. Напротив, официальная Франция сделала немало усилий в лице заинтересованной дипломатии и широко продажной прессы, чтобы затушевать и свести на нет обличаемые факты. Но, хоть и запоздалые и в большинстве своём дурно изложенные, они вопияли к небу безумиями своего ужаса. Крайняя левая и крайняя правая, оппозиция социалистическая и оппозиция католическая сошлись на почве армянского вопроса для совместных действий. Отец Charmertan выпустил в свет знаменитую, многошумную книгу свою «Мартиролог армянского народа». Сложился комитет pro Armenia – равно как и в Лондоне (Balkan Committee). Ряд конференций, петиций, митингов привели, наконец, к запросу в Палате с яркими речами Прессансе, Д.Кошена, графа Д.Мен, Жореса и др. Здесь впервые Европа услышала подлинный голос того движения, которое выставлялось ей Востоком как социально-революционное и сепаратическое, направленное к созданию новой азиатской державы, с опасным расчётом обрезать земли Турции,

¹¹ После аннексии Англией в 1877 г. Трансваальской республики, именованной с 1858 г. Южно-Африканской, столкновения между бурами и англичанами не прекращались до тех пор, пока не вылились к осени 1899 г. в англо-бурскую Трансваальскую войну, закончившуюся победой англичан в 1902 г.

России и Персии и нарушить систему европейского равновесия и мрачный покой вооружённого мира. Д.Кошен, католик и консерватор, огласил политическую программу общества Армянской Федерации, учреждённой с начала девяностых годов бывшими студентами Петербургского и Московского университета. Палата не без удивления услышала, что программа этих страшных людей представляет собою лишь дословное повторение условий о реформах Берлинского трактата, и единогласно признала, что претензии армянского народа не только вполне законны, удовлетворимы и должны быть удовлетворены, но и поражают своею рассудительною умеренностью. Поразительно яркая речь Жана Жореса, направленная против ошибочных течений в русской дипломатии в период её бюрократического панславизма и против покорного следования за её капризами французской внешней политики, впервые огласила знаменитый в своём роде, уже упомянутый мною афоризм кн.Лобанова-Ростовского, сказанный в объяснение отказа России присоединиться к другим для вмешательства в турецко-армянские отношения:

- Я не хочу, чтобы турецкая Армения сделалась второю Болгарией и чтобы русские армяне воспользовались против нас учреждениями, которые создаст армянская автономия под турецким протекторатом.

Старания русского дипломатического корпуса оградить проектированную русификацию Кавказа от фантастического призрака Великой Армении «до Ростова-на-Дону», как пустил тогда в ход легенду усердствующий корреспондент «Нового Времени», резко изменили историческую политику России на Ближнем Востоке и заставили её отказаться от своего векового амплуа защитницы христиан, живущих под мусульманским игом. Мы ошибочно пожертвовали султану судьбами азиатской Армении, рассчитывая обеспечить её рабским бессилием мир в собственном нашем Закавказье. Мы холодно просмотрели в 1894 году Сасун, где курды вырезали армян, а в 1896 году европейская печать резко обвинила нашего посла при султани, А.И.Нелидова, в попустительстве константинопольским кровавым репрессиям, рассказом о которых началась моя статья. Дурных слухов не

парализовало даже то наглядное обстоятельство, что беспорядки прекратились только благодаря вмешательству именно русского посольства, что лишь энергия старшего посольского драгомана П.В.Максимова спасла Оттоманский банк от разрушения и, взамен этой дорогой услуги турецкому правительству и европейскому капиталу, доставила «революционерам» армянской самозащиты возможность безопасно покинуть Константинополь и уехать в Марсель! Европейская молва, расплываясь из недр международной константинопольской дипломатии, упорно твердила, будто русское посольство, в данном случае, лишь уподобилось Посейдону, во власти которого взволновать море бурю, во власти и усмирить. Повторялось и комментировалось на тысячи ладов пресловутое - «massacrez, Majeste»¹² - будто бы сказанное Нелидовым Абдул-Гамиду, когда султан выяснил ему своё бессилие справиться с пожаром армянской революции мирными средствами. Я виделся в эту эпоху с г. Нелидовым и, по впечатлениям трех бесед с ним, имею все данные верить, что легендарной фразы, ему приписываемой, он не произносил да по мягкости своего характера и изяществу воспитания вряд ли способен произнести. Но, к сожалению, он питал какую-то расовую антипатию к армянству, был глубоко убеждён, что армяне «бунтуют» не только против безобразий турецкого режима, но представляют собою фермент всемирной революции, верил в сепаратические вождедения русских армян и, по всем этим причинам, добровольно занял в роковом вопросе точку опасного, уклончивого нейтралитета. Закрывая глаза на расовую и вероисповедную рознь, он утверждал, что армянский вопрос есть внутренний вопрос Турецкой империи и что султана, как самодержавного монарха, нельзя лишить права укрощать инсurreкцию, явно нарождающуюся между подданными. Страшные константинопольские дни слишком наглядно обличили бюрократическую фальшь этой условной территории: пробуждённое агитацией Ильдиз-Киоска и потворствуемое безмолвием посольств, мусульманское буйство начинало уже грозить перейти от армянского

¹² «Резня, Ваше Величество». Т.е.: резня – единственный выход.

к общехристианскому погрому, и русской дипломатии, хотя и очень скрепя сердце, против воли, пришлось-таки нарушить свою холодную программу предвзятого невмешательства и стать вежливым – о, очень вежливым! - щитом между освирепелым зверем и его жертвами.

Как бы ни была печальна роль русской дипломатии в армянском вопросе, всё же она была сыграна, хотя с внешней-то стороны, приличнее, чем вела себя петербургская и московская охранительная пресса. Я не помню, например, в русской печати факта более отвратительной и бесчеловечной лжи, чем константинопольские корреспонденции «Русского Странника» (покойного Е. Львова-Кочетова) в «Новое Время», пытавшиеся уменьшить в глазах русской публики размеры беспорядков, обелить турок и очернить армян, свалив на их голову всю ответственность за происшедшие ужасы. Даже обвиняемое в попустительстве посольство было возмущено уж чересчур беспардонно организованным обманом общественного мнения. Нелидов, Максимов – все с неудовольствием говорили, что охранители в России пересолили, что это вредно, смешно и пошло, что «так нельзя». В Петербурге и Москве были иного мнения. Когда всё тот же «Русской Странник» дописался до «красных бинтов», которыми, якобы, гримировались здоровые армяне, чтобы европейцы принимали их за израненных турками, я попробовал возвысить голос против всей этой системы клевет и ... статья моя, обоснованная живыми свидетельствами и рядом фактов, широко открытых к проверке, не могла быть напечатана!

Возвращённая мне корректура до сих пор покоится в моём архиве, как печальный памятник неудачи, в которой бюрократическая тенденция зажала рот голосу правды и приказала смотреть на действительность слепыми глазами.

Итак, русская бюрократия, дипломатия и вдохновляемая ими охранительная пресса в девяностых годах заняли позиции, прямо враждебные армянам, удерживая таковые почти непоколебимо и до настоящего времени. К сожалению, нельзя сказать, чтобы эти влияния встретили значительный отпор в русском общественном мнении.

Даже передовые группы нашего общества относились к армянскому мартирологу с равнодушием, как к делу, конечно, прискорбному по человечеству, но далёкому и чужому. Так, например, тяжёлый и совершенно незаслуженный нравственный удар нанёс армянству граф Л.Н. Толстой, отказавшись принять участие в сборнике Г.А. Джаншиева, изданном в пользу жертв турецкого гонения в Малой Азии¹³. Между зрением многих русских прогрессистов и несчастиями Армении обидно стояла призма русского Закавказья, в городах которого армяне представляли до последних своих разорений элемент капиталистический и консервативный. Такого предубеждения был не чужд даже покойный Н.К. Михайловский. Таким образом в русском общественном мнении армянский вопрос оказался зерном между двумя жерновами. Реакционеры и консерваторы, панславизм и русификация объявили армянству войну, как силе революционной, а прогрессисты, не забывая в армянах «торгашей», обдавали их холодом защиты корректной, но бесстрастной, по долгу службы общей гуманности, но без малейшего увлечения. Нужен был весь ужас совре-

¹³ **Джаншиев, Григорий Аветович** (1851-1900) – видный общественный деятель, правовед, публицист, историк, автор многократно переиздававшегося капитального труда «Эпоха великих реформ», многочисленных работ по вопросам права, статей, путевых очерков (кн. «Перл Кавказа», М., 1886, 4-е изд., М., 1900; «В Европе. Впечатления и мысли туриста», М., 1888; «Среди баловней и пасынков природы. Стамбул – Монако – Финляндия», М., 1890). Сотрудничал во многих русских периодических изданиях, более 20 лет был сотрудником, затем одним из редакторов-издателей крупнейшей газеты «Русские ведомости», состоял в приятельских, коллегиальных, деловых отношениях со многими выдающимися современниками (М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.А. Бунин, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, А.Н. Веселовский, С.И. Танеев и мн. др.). В 1890-е годы не раз привлекал внимание русского общества к истории и культуре армянского народа, к положению армян в Турции (кн. «Армянский вопрос в Турции. Из переписки с стамбульским публицистом», М., 1893, под псевдонимом Гр. А. Диев). Выдающейся заслугой Джаншиева является составление и издание им (в 1897-ом и 1898-ом) тысячестраничного сборника под названием «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», в котором приняли участие многие представители русской интеллигенции, в том числе видные деятели рус. литературы, культуры. Значительный денежный фонд, собранный от продажи обоих изданий сборника, был передан пострадавшим. Заметим, что, не приняв участия в сборнике публикацией конкретного произведения, Л.Н. Толстой дал, однако, согласие на помещение в нем полного факсимиле текста своего письма в редакцию «Братской помощи», каковым и заключался раздел «Введение».

менных закавказских событий, чтобы все русские открыли глаза на армянское горе и поняли то государственное зло, что вырастила для нас Турция у себя, за границую, а мы его у неё послушно восприняли, пересадили на свою территорию и усовершенствовали прививкою цветочков петербургской бюрократии.

Во Франции голос общественной совести, недовольной армянофобскою политикою, принятою министром Ганото в угоду России, говорил гораздо громче. Знаменательною эпою для армянского вопроса во Франции является 1900 год, когда группа наиболее популярных политиков и литераторов парижских – Анатолий Франс, Жан Жорес, Франсис Прессансе, Клемансо и др. - основали в виде поправки к официальной политике франко-русского союза журнал «Pro Armenia». Новый орган в руках действительного своего редактора, поэта и литератора П.Киара (в 1896 году он был очевидцем константинопольских убийств), быстро приобрёл европейскую известность и значительный авторитет. Его безукоризненная внепартийность подробно осветила глазам Европы истинное положение армянского народа и, после ряда мелких сочувственных манифестаций, привела к столь крупному результату, как армянофильский конгресс 1902 года в Брюсселе, с участием представителей Франции, Дании, Бельгии и т.д. Не слишком многочисленный съезд членов на этом конгрессе с избытком вознагражден выразениями сочувствия, присланными со всех концов Европы едва ли не всеми выдающимися людьми современной цивилизации, а, главное, выработкою плана действий к лояльному протесту и примером, поданным на будущее время. 13 февраля 1903 года состоялся грандиозный митинг в одном из парижских театров при участии более 6000 человек с речами Прессансе, Кошена, Поля Леролль под председательством г. Д'Эстурнель де Констан – бывшего делегата Гаагской конференции, одного из наиболее видных и пылких проповедников международной идеи мира («пацифистов»), столь популярной во Франции. Впечатление митинга отозвалось соответственными манифестациями во всех государствах цивилизованного мира и с особенною яркостью в Италии: Милан, Рим, Генуя и т. д. ответили на парижский митинг грандиозными

армянофильскими манифестациями. Здесь в ряды защитников армянского дела стали такие люди, как антрополог Серджи, социолог Турати, поэтесса Ада Негри, Анджело Губернатис, Монета и др.: со всею справедливостью можно сказать – лучший цвет современной итальянской интеллигенции. Англия в течение менее двух месяцев, от 29 сентября до 16 ноября 1903 года, устроила 64 митинга через посредство своего «Balkan Committee», из которых наиболее замечательным был митинг в «Saint James Hall», под председательством Джеймса Брайса, старого сотрудника Гладстона. Вообще 1903 год благодаря новым обострениям инсurreкции в Македонии, неприятно напоминавшем Европе о забвенных 23 и 61 параграфах Берлинского трактата, был очень счастлив для армянского вопроса. Новый международный съезд в Париже 25 октября 1903 года с заседанием в залах отеля «Континенталь» и с митингом в театре Сары Бернар подчеркнули ещё раз серьёзность международной пропаганды «Pro Armenia» и быстрый рост европейских симпатий к её задачам. В том же 1903 году задачи эти были перенесены, наконец, из подготовительной инстанции общественного мнения на официальное обсуждение двух представительных правительств – Англии и Франции. Новые солунские¹⁴ убийства в начале 1904 года дали Франсису Прессансе повод к запросу в палате депутатов; в Англии ту же роль взял на себя Джеймс Брайс.

Мы видели выше, что Англия потерпела дипломатическое поражение в своей армянофильской инициативе 1896 года. Впечатления неудачи дожили до наших дней. Платонические сочувствия английского правительства к армянам остаются неизменными, но, обжегшись на молоке, «коварный Альбион» выучился дуть и на воду: следовать за чьею-либо властной инициативой к освобождению Армении он готов охотно, взять же инициативу на себя, памятуя недавний афронт, не согласен ни в коем случае. Инициатива, по мнению английских политиков, теперь должна принадлежать Франции. Англия, Франция и Италия, неизменно верная идеям свободы, представ-

¹⁴ Солунь – общеславянское название города Салоники.

ляют, мол, собою как бы тройственный союз мирной культуры, противопоставленный тройственным и двойственным союзам старой милитаристической Европы и обязанный осуществить политический рай на земле, разбив именованной цивилизации цепи и исполнив законные желания угнетённых народов. К сожалению, все эти прекрасные слова покуда бесплодно висят в воздухе. Англия ждёт шагов Франции, а Франция Делькассе¹⁵ сделала для армян так же мало, как и Франция Ганото. По свидетельству многих деятелей армянского освободительного движения, Делькассе в глубине души был армянофил. Так характеризовал его и президент Лубэ¹⁶, принимая делегацию армянского католикоса. Во всяком случае, армянский вопрос обязан Делькассе уже тем, что выплыл в море парламентских дебатов, и министр, несмотря на весьма неприятный и щекотливый характер запросов, не старался спустить эту обузу в пучину водную, как сделал бы его предшественник. Уже сама антипатия Делькассе к Ганото ручалась, что первый не захочет идти по следам второго. И, тем не менее, министерство Делькассе, разрушенное конфликтом с Германией из-за пресловутой марокканской авантюры Вильгельма II, оставило армянский вопрос на той же безрадостной позиции, как приняло. Делькассе ничего не смел и не мог сделать для армян без воли России, русское же правительство в последние годы не только продолжало упорствовать на плачевном наследстве идей князя Лобанова-Ростовского, но ещё и усилило свою деятельность в их направлении.

Кавказ пережил эпоху суровой русификации, которая особенно тяжело досталась армянам, как народу более других местных племён культурному и национально-сознательному. Столкновения русификации с армянской обособленностью на почве капиталистической и в особенности религиозной дали как бы призрачное оправдание пре-

¹⁵ **Делькассе, Теофиль** (1852-1923) – французский политический деятель, начал карьеру журналистом-комментатором по вопросам международной политики. В 1889 г. был избран в палату депутатов, занимал посты в министерстве колоний, был министром внутренних дел, неоднократно назначался министром иностранных дел.

¹⁶ **Лубэ, Эмиль** (1838-1929) – президент Франции в 1899-1906 гг.

дубеждениям, которыми руководилась обойдённая Стамбулом петербургская бюрократия последних двух царствований, рассматривая Армению как очаг всевозможных революционных угроз, - и пасти Закавказье было поручено железному жезлу кн. Голицына¹⁷.

Суровый голицынский режим не только не умиротворил Кавказ, но рядом мер, унижавших армян перед другими народностями края, привёл к тому результату, что в народе, который ещё недавно, при наместничестве в. кн. Михаила Николаевича и главноначальстве кн. А.М.Дондукова-Корсакова, считался самым лояльным и консервативным, наиболее твёрдую опору русской власти в Закавказье, действительно началось брожение. Увидев себя лицом к лицу с возможностью национальной революции и, в то же время не желая отменять мер, вызывающих и развивающих армянское недовольство, кавказская администрация обратилась к поискам местных элементов, охочих и способных в случае надобности быть противопоставленными «сепаратическому» мятежу. Естественным народом-соперником армян в Закавказье являются грузины, но – вопреки усиленной лести по адресу их пресловутого публициста-армянофоба, В.Л.Величко, вопреки всем крокодильным слезам, которые пролил он, патетически оплакивая порабощение Грузии армянским капиталом, – между обоими народами оказалось слишком много общих точек культурного соприкосновения, чтобы из внешней, поверхностной розни их выросла серьёзная политическая борьба племени на племя, расы на расу. Гораздо более данных к тому представила народность низшей культуры – и, к тому же, мусульманская – татары¹⁸. Вековые враги христианских народностей Закавказья, сломленные только русскими завоеваниями, мирные лишь под страхом присутствия русской военной силы в Закавказье, они именно к армянам полны особой ненависти, в которой, несомненно, есть место причинам

¹⁷ **Голицын, Григорий Сергеевич**, князь, с 1896 по 1 января 1905 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск.

¹⁸ **Татары**, кавказские татары – общепринятое до начала XX века в том числе и в официальной документации и энциклопедиях обозначение всех кавказских мусульман.

экономическим и религиозным, но главная её основа – органическая, наследственная, расовая. Мусульманская анархия за Кавказом началась единичными случаями разбойничества, которое при бездействии и вялости местных властей весьма скоро приняло в Елизаветопольской губернии характер и размеры социальной эпидемии. Сразу бросалась в глаза ярко выраженная армянофобия разбойничьего мусульманского «рыцарства» - это слово тем уместнее, что в организации шаек принимали участие, главным образом, представители полудикого татарского дворянства, «беки», увлекаемые в разбой либо нуждою, либо кровной мезьью, либо просто абречкою удалью. Один из знаменитейших разбойников, Мурзакулов, даже кончил курс елизаветпольской гимназии! Необычайно редко случалось, чтобы татарин-разбойник посягнул на русского, и немногочисленные русские жертвы закавказского разбоя обыкновенно погибали по ошибке, принятые за армян. Эта система, скрывавшая лишь азиатскую осторожность – не ожесточать против себя, до поры до времени, русских властей непосредственною и личною враждою, – была ложно истолкована в смысле мнимого русофильства татар. Разумеется, все эти Кяримки, Наби, Мурзакуловы, Мурады преследовались властями по долгу службы, однако, в большинстве, весьма неуспешно, так как организованная для борьбы с разбоем земская стража (чапары) из татар же не только мирволила землякам, но очень часто сообщничала с ними. Но преследования не исключали известного романтического сочувствия к силе новейшим Карлам Моорам – якобы, мстителям армянскому капиталу за татарское обнищание, к тому же столь рыцарски дающим пощаду жизни и имуществу русских посельщиков края. К сожалению, не заметили только одного, – что с теми русскими посельщиками, которые, как сектанты, не стояли под особым покровительством властей, эти своеобразные русофилы церемонились столько же мало, как и с армянами.

Принять татар за «благонадёжный» элемент Закавказья, на который русификация может рассчитывать в случае армянской революции, было жестокою ошибкою кн.Голицына. Он попался в ловушку могучей тайной силы, которая давным-давно переползла из Малой

Азии через Аракс, чтобы оплести Закавказье тонкой сетью религиозного и расового заговора, известного под названием Панисламического Союза. Эта организация, устроенная, благословленная и вооружённая султаном Абдул-Гамидом для борьбы с ослабевшим влиянием России в Малой Азии, возникла в те самые годы, когда мы так предупредительно помогали Стамбулу душить последние голоса свободы в нации, которая с XVII века подавала ключи русскому движению на Ближний Восток и оказала России так много услуг в шестидесятилетней кавказской войне и в малоазиатских кампаниях наших против турок. Враги наши гораздо лучше нас оценили роль армян как исторических и естественных союзников России, и, едва наша политика под впечатлением балканских разочарований отвратила лицо своё от Ближнего Востока к Дальнему, султан Абдул-Гамид поспешил разорить и опустошить турецкую Армению как обязательную станцию и оплот русских походов, прошедших и будущих. Слеплённая панславистическим идеалом на московский лад, увлечённая русификацией, напуганная призраками «всемирной социальной революции», обманутая подозрениями сепаратических вождедений русская бюрократическая дипломатия не хотела понять, что, вырезав 300.000 армян в Сасуне и десятки тысяч вообще в Малой Азии, султан Абдул-Гамид, в сущности, уничтожил почти полумиллионный русский авангард – и, если не навсегда, то на десятки лет лишил наше отечество любви и доверия трёхмиллионного населения, чьи симпатии создавали нам столько преимуществ на театре малоазиатских войн. Победоносность русских наступательных войн значительно обуславливалась тем обстоятельством, что русские армии двигались на неприятеля по дружественным территориям – землями придунайских славян, землями армян; даже при усмирении польского мятежа русские войска имели за себя этот козырь в крестьянстве, благодарном за 19 февраля¹⁹. Японская война – едва ли не первый наш опыт войны на территории, к нам недобро-

¹⁹ Имеется в виду отмена крепостного права и освобождение крестьян манифестом от 19 февраля 1861 г.

желательной, и несомненно, что и это важное условие не следует забывать в числе множества других причин, объясняющих трагические разгромы русских армий в Маньчжурии. Вырезывая армян, Абдул-Гамид вырезывал русскую силу, русские симпатии. Девяностые годы создали нам Маньчжурию в турецкой Армении. А кн. Голицын приложил старания, чтобы в Маньчжурию обратилась и Армения русского Закавказья: страна с мирным населением, доведённым до отчаяния своим внезапным бесправием и наводнённая шайками мусульманских хунхуз²⁰.

За политику русификации Кавказ заплатил уже гибелью одного из важнейших национальных сокровищ России – бакинского нефтяного промысла. И – кто знает, – не есть ли это только начало расплаты? Сегодня, когда я пишу эти строки, пришедшие русские газеты рассказывают, что татары – полные хозяева Баку, не сдаются на мирные условия и заявляют властям, что против русских они ничего не имеют, но армян не желают: пусть армяне уходят из края, куда им угодно, если не хотят новой и новой резни! А резня, конечно, всегда будет победоносной для татар, потому что они отлично вооружены, а в руках армянина оружие самозащиты рассматривается русской администрацией как символ сепаратического бунта и революционных замыслов. Итак, Баку – этот восточный ключ к преобладанию на Кавказе, на завоевание которого соединённые культуры трёх христианских народов – русского, грузинского и армянского – потратили столько усилий, – фактически снова в мусульманских руках, и татарская анархия ставит ультиматумы русской власти!

А, впрочем, я сомневаюсь, удачна ли эта терминология – «татарская анархия», столь частая теперь в русской печати. Она, несомненно, хорошо определяет делящийся хаос неурядиц, кровью и пламенем опустошающий несчастный край. Но хаос этот – лишь анархическое следствие причин, может быть, совсем не анархических, но и очень

²⁰ **Хунхузы** (т.е. краснобородые) – собирательное название китайских бродяг и скитальцев, бежавших от правосудия или произвола китайских властей и добывающих средства к жизни разбоем, воровством и грабежами.

строго управляемых и тщательно направляемых. Эти слова мои – отнюдь не намёк на мрачные слухи, нашедшие громкий отклик не только в заграничной печати, но и в прогрессивных русских органах, будто бакинские трагедии были сознательно обусловлены к бытию враждебной армянам кавказской администрацией. О таких возможностях надо говорить или подробно, или не говорить ничего. Я имею в виду причины не внутренние, но внешние; ту правильную панисламическую агитацию из-за турецкого рубежа, которая, прервав временно палачествовать у себя дома – оно ведь можно и погодить немножко после того, как в виде острастки курдами вырезано 10 процентов армянского населения! - перебралась палачествовать к нам, губя и разоряя тот спасительный резерв, каким в глазах султана Абдул-Гамида всегда являлись и действительно были для Армении турецкой армянские полосы русского Закавказья. Эта же мрачная, фанатическая агитация не только не анархична, напротив, может назваться образцом дисциплины, что подтверждали все случайно выплывавшие на свежую воду факты её вроде пресловутого елизаветпольского заговора, обнаруженного в 1899 году.

Я, автор этой статьи, – не только не враг Ислама, как могут обобщить охочие люди из моих предостережений против опасностей панисламического союза, но, наоборот, мне случалось не раз печатно вступаться, именем справедливости и человечности, за права мусульманских инородцев России, попранные административным усердием получше угодить требованиям русификации. Мне даже пришлось однажды быть судимым за резкую печатную защиту татарского бека, адвоката, человека с университетским образованием, которого уездный начальник, желая избавиться от свидетеля и обличителя своих весьма некрасивых делишек, подвёл было под уголовщину, как притонодержателя разбойников. За Волгою, в Сибири, на Кавказе, в Турции – всюду имел я мусульман-друзей. Ко многим из них я на всю жизнь полон глубокого уважения, потому что искренней, вдумчивой и чуткой гуманности этих учеников Магомета может позавидовать большинство из именующих себя христианами. Тем более уверен я в искусственном происхождении закавказской неуря-

дицы, что видел собственными глазами слишком много примеров совершенно мирного и безопасного соседства мусульман с христианами – всюду, где они предоставлены самим себе устраиваться между собою во взаимных отношениях, где не дышит к ним внешнею бурей чей-либо религиозный или политический фанатизм. Умела же Болгария устроить своих мусульман так, что они и равноправны христианам и совсем не угроза христианскому населению. Да и тот Кавказ, что залит теперь кровью и пылает пожарами, давно ли он был самою мирною из русских окраин? Давно ли инородческие настроения Закавказья так мало зависели от религиозной розни, что – уж если было между кем ждать обострения, то между христианами же: грузинами и армянами, – о татарах тогда никто и не думал. Сейчас на Кавказе нельзя шага сделать без конвоя – платят по 10 р. каждому казаку, чтобы проводил приезжего через город от вокзала до дома, а одинокий или слабо конвоированный выезд за городскую черту считается безрассудством, чуть ли не равным попытке к самоубийству. А в 1889 году я, один-одинёшенек, без всякого оружия, прошёл Кавказ пешком, то и дело уходя от битых трактов в недра мусульманских аулов, и всюду встречал самое ласковое и бережное гостеприимство, и мне даже в голову не приходило, что я рискую какой-либо опасностью, – настолько был мирен Кавказ, настолько не было опасности! За какие-нибудь пятнадцать лет край переродился, попятился до нравов, которые были анахронизмом даже во времена Лермонтова, которых не найти и в пушкинском «Путешествии в Арзрум»! Мы снова в веке «оказии» и «чеченца, ходящего за рекой»!

Турецкая политическая пропаганда панисламизма, в которой религиозный фанатизм не цель, но только орудие, струится в Закавказье из Константинополя через Малую Азию непрерывным током уже давно. Собственно говоря, с тем или другим названием, она всегда шевелилась под пеплом – с тех пор, как падение Гуниба²¹ сделало русских совершенными и окончательными владыками перешей-

²¹ **Гуниб** – гора в Дагестане, последний оплот Шамиля, пал после упорного сопротивления в августе 1859 года.

ка²². Она создала массовую черкесскую эмиграцию, будила бунты в Абхазии, брожения в Чечне, за неё тысячи ингушей заплатили переселением в Сибирь – на верную смерть от чахотки. Но если русское управление Кавказом в шестидесятых и семидесятых годах не было чуждо частных ошибок, может быть, и крупных, то, во всяком случае, общий принцип руководящей ими терпимости национальной и религиозной выгодно отличал его от всех маленьких феодальных правлений, взброс пережитых Кавказом до русского завоевания, так что панисламическая пропаганда не могла пустить глубоких корней в его почву, как сила политическая. Религиозные фанатики Ислама уходили в Турцию, умеренный элемент спокойно оставался дома, находя, что вера верою, а жизнь жизнью и что раз русское правительство веры не тревожит, то жить в стране, хоть сколько-нибудь подзаконной, гораздо выгоднее и приятнее, чем под гнётом незаконного деспотизма, который – как это именно черкесская эмиграция испытала в Турции – окупает своё гостеприимство вербовкою покровительствуемых в шайки официального разбоя. С первыми влияниями русификаторских тенденций русская администрация на Кавказе, совершенно изменив прежней тактике, стала нащупывать капризную и сомнительную систему национального фаворитизма. Были в чести армяне – в подозрении грузины. Вошли в честь грузины – началось гонение на армян. Пока не разочаровались в тех и других, держали в чёрном теле мусульманских инородцев, и было время, что татары могли по праву называть себя несчастнейшими из кавказских подданных России. Оказались «неблагонадёжными» армяне и не столь «благонадёжными», как желала бюрократия, грузины, – давайте ласкать татар! Именно в этом ряде «волшебных изменений милого лица»²³, под шум этих капризных проб эгоистического бюрократизма, откровенно показывавшего равно всем народностям, что они для него существуют, а не он для них, и которая более рабски ему придётся, та и будет возложена на лоно – именно

²² В XIX в. многие путешественники называли Кавказские горы кавказским горным перевалом.

²³ Строка из стихотворения А. А. Фета.

тогда-то и выросли, как отражения правительственных симпатий и антипатий, грузинское безразличие к России, армянское отчаяние и кавказские успехи панисламической политики Абдул-Гамида. Вооружая суровые меры против закавказских армян, русская бюрократия опять, сверх своего ожидания, оказалась во внезапном союзе с турками – очень выгодном для султана, но самоубийственном для русского дела в Малой Азии. Что происходит сейчас на Кавказе – вода на мельницу султана. И мы собственными руками заботимся о том, чтобы вражеская хорошо работала, забывая, что если она разойдётся, как мечтает Абдул-Гамид, то ей не трудно будет смолоть понемножку и Карсскую область и – вверх по Закавказью – хоть по самый Ахалцихе!²⁴

Победоносная русская армия бессильно стояла у врат Константинополя. Разбитая наголову русская дипломатия бессильно заседала на Берлинском конгрессе. Победённый победитель в Зимнем дворце грустно подсчитывал убытки и тягости, принятые Россией в сверхсильной и не вознаграждённой войне. Окружённый тучами внутренней грозы, он предвидел огромную, вынужденную паузу в той наступательной политике Ближнего Востока, которая, начиная с Петра Великого и даже по апокрифическому его завещанию, считалась два века необходимою и естественною задачей империи: задачею историческою, религиозною, национальною и династическою. Победивший побеждённый молодой султан Абдул-Гамид в Ильдиз-Киоске весело потирал свои изящные, узкие, мягкие и белые, как у женщины, руки и думал про себя:

- Дёшево отделался!

Действительно, отделаться дешевле было нельзя. Ампутация Болгарии с коварным отчленением от неё Македонии была щедро оплачена чудесным спасением областей, которые было менее всего надежды спасти и которые сам Абдул-Гамид откровенно называет «туловищем империи». Уцелела лишь немного очищенная русскими

²⁴ Это предсказание А. В. Амфитеатрова, увы, сбылось: Карсская область и ряд других территорий отошли к Турции.

Малая Азия, и с нею уцелел султанат; острый, грозивший смертью недуг обратился в хроническое, конечно, не весьма приятное, но довольно безопасное недомогание.

Христианские народы Малой Азии, между которыми как численностью, так и культурным значением подавляюще выделяются армяне, не были оставлены Европою на Берлинском конгрессе без внимания и защиты. Между ними и произволом Стамбула был поставлен параграф 61 трактата, обязывающий султана провести в Армении ряд реформ – весьма элементарных, но тем более лёгких к осуществлению и гарантированных армянскому народу не только подписью представителей всех европейских держав, но и подчинением Порты в деле реформ международному контролю.

При всей незначительности обещанных реформ, ожидание их подняло дух угнетённого армянского народа. Во всех слоях началось восторженное брожение – чаяние и залог близкого лучшего будущего. Ревниво и подозрительно ограниченные реформы протягивали Армении едва-едва палец, но, схватившись за палец, легче забрать всю руку. Была уверенность, что Европа наконец поняла и оценила историческую роль армян как аванпоста западной культуры на азиатском материке, что, однажды решив вознаградить их за столетия то боевой, то страдальческой, в порабощении, жизни, она не остановится на первом шаге освобождения. Раз было сказано «а», надо сказать и «б». Красивая статья о европейском контроле ставила уверенность эту на вполне логический и твёрдый, казалось бы, фундамент.

Dieu propose et le diable dispose, как переделали теперь старую пословицу французские остроумцы. В судьбах Армении и после берлинского трактата именно так и было: Бог предполагал, а чёрт располагал. Статья, которая теоретически предлагалась орудием спасения армянского народа, на практике оказалась средством его гибели, а восторженно приветственные гарантии международного контроля, сверх всех ожиданий, связали по рукам и ногам всех друзей армянского народа и отдали его, почти беззащитным, в когти его злейших врагов.

В Европе за последние 25 лет было много талантливых диплома-

тов – одну Россию как-то трагикомически обходил этот благодатный урожай. Но лишь один европейский дипломат, кроме Бисмарка²⁵, сошедшего в период этот с политической сцены, мог бы по праву заявить претензию на гениальность – если не в целях, то в средствах деятельности: в тонком расчёте своих мин и контрмин, в изяществе своей убийственной работы, в искусстве плести поистине неподражаемые кружева из железа и крови. Гладстон называл этого дипломата «Великим убийцею», современная Европа зовёт «Красным султаном»: перед нами – повелитель правоверных, благополучно приближающийся к тридцатилетию своего царствования, падишах Абдул-Гамид. В своё время я имел случай близко и внимательно ознакомиться с этим интереснейшим в своём роде сверхчеловеком в десятках бесед с лицами, состоявшими целые годы в официальных к нему отношениях. Кто желает ознакомиться с подробною характеристикой Абдул-Гамида по этим данным, того прошу обратиться к книге моей «Страна раздора». Здесь достаточно сказать, что это – самый гибкий и самый упругий характер современного политического мира, искуснейший и вдохновенный притворщик, несравненный сеятель ссор, смут и подозрений, мусульманский Макиавелли, который « всю жизнь свою всем уступал и никогда никому ничего не уступил ». Он прячет колоссальное честолюбие под готовностью к унижению, фанатическую, холодную жестокость одевает детскою сентиментальностью, он весь – ходячая маска и, по потребности, даже свой огромный злой ум умеет скрыть от противника малоопытного, как отточенный и отравленный стилет в простой и грубой палке. Русский дипломат, много лет жизни употребивший на непосредственную борьбу с султаном Абдул-Гамидом по вопросам христианских народностей и в конце концов даже удостоенный от него, живущего без любви и уважения к кому бы то ни было, некоторой

²⁵ **Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд** (1815–1898), князь, знаменитый государственный деятель Пруссии и Германии, крупный дипломат. При Бисмарке началось активное сближение Германии с Турцией, отчего интересы малых христианских народов на фоне огромных экономических проектов Германии представлялись столь малозначимыми, что ими, по мнению Бисмарка, можно было пренебречь.

как будто симпатии, уверял меня, что никогда не опасен так Абдул-Гамид, как в личине малообразованного, неразвитого, застенчивого простачка. Дипломат признавался, что мастерством своим облекаться в бесхитростную личину великий турецкий политик даже и его, старого воробья, десятки раз проводил на мякине. В личном обращении Абдул-Гамид – верх любезности и даже сердечности. Он – «великий убийца» за глаза, но в глаза – «великий очарователь». Фигура, собственно говоря, трагической цельности и не нашего века. Абдул-Гамид – деспот средневековой морали, политик первых дней итальянского возрождения. Он достоин был бы войти в шекспировскую галерею исторических портретов как «добрый, честный Яго» на троне.

Этого человека, по всей справедливости, можно считать злым гением европейской политики на Ближнем Востоке вообще и армянского народа в особенности. Убеждение в том, созданное слишком наглядными и грозными доказательствами, держится настолько прочно, что, например, сейчас в Париже между местными армянами-эмигрантами я постоянно встречаю людей, очень определённо утверждающих, будто даже в современной татарско-армянской междоусобице русского Закавказья косвенным и отдалённым корнем зла остаётся всё-таки султан Абдул-Гамид с его политикою мусульманского Макиавелли.

Предположение – на первый взгляд, казалось бы, странное; оно наивно и суеверно уводит центр обвинения от прямых, гораздо более близких и печальных для нас причин... Тем не менее аргументация армянских эмигрантов развита стройной теорией, имеет своеобразный интерес, далеко не лишена основательности и заслуживает полного внимания.

Как сказано выше, султан Абдул-Гамид умел обратить международный контроль над предписанными ему армянскими реформами из угрозы себе в средство своего благополучия. Исполнить требования 61 параграфа берлинского трактата он, конечно, никогда не собирался. Да вполне откровенные люди в армянском лагере говорят: и не мог бы, если бы даже собрался. Автономические реформы под-

властных Турции христианских народностей – смертный приговор Оттоманской империи, а ещё прежде – династии, осуждённой их осуществить.

Малая Азия лежит в сфере интересов всех великих держав европейского концерта. Интересы эти не только разнообразны, но в большей части противоположны и даже враждебны один другому. Ревность, зависть, взаимоподозрение и борьба за преобладание, унижающаяся даже до мелочей, которые часто были бы смешны, если бы не были грустны, – вот роковые элементы европейской дипломатии на Востоке, и надо с горестью прибавить, что наша русская дипломатия на этот счёт остаётся в первой шеренге. При подобных условиях взаимонедоверия международный контроль за армянскими реформами обратился не против султана, обязанного их осуществить, но явился системою надзора каждой державы за остальными, чтобы их участие в малоазиатской политике не нанесло ущерба её специальным выгодам. Таким образом, оправдалось на гигантском историческом примере в колоссальном масштабе страданий целого народа печальное правило, что у семи нянек дитя без глаза. Соперничество интересов лишило европейский концерт единодушия, и параграф 61 застыл в мёртвую букву. И султан Абдул-Гамид всегда умел найти дружественную державу, которая сознательно, полусознательно или бессознательно, но с усердием, достойным лучшего применения, старалась для него, чтобы роковой вопрос лежал в гробу смиренно, не пытаясь воскреснуть из мёртвых. Печальную роль тормозов армянского освобождения сыграли, по очереди, Англия, Германия и Россия, которую со времени франко-русского союза пассивно поддерживала в тоне своим авторитетом и Франция. Вместо понукания к обещанным реформам султан Абдул-Гамид то и дело получал *carte blanche* воздержаться от каких-либо преобразований с единственным туманным советом – по возможности не ухудшить положения, чтобы натянутая струна не лопнула и жалобным стоном своим не разбудила в Европе общественного мнения. Но и это элементарное условие оказалось для Абдул-Гамида невыполнимым

по причинам, зависевшим в значительно большей доле от него, отчасти же и не совсем от него.

Абдул-Гамид – фанатик Ислама. Он полон историческими мечтами о великих халифах и, лишённый физической и политической возможности повторять их в славных и воинственных подвигах, подражает им в религиозном изуверстве и безумной роскоши. Он очень богат, но государство – нищее, и как личная казна султана, так и казна империи ненасытно, изо дня в день взывает о деньгах. В результате – помимо града узаконенных налогов и податей, которыми выжимаются из христиан Малой Азии последние соки, – неистребима фактически система кормления чиновников административными должностями. Сомнительная платежеспособность государства своим чиновникам продолжает в армянских вилайетах режим ужасающей продажности, коварства, произвола, насилия: правильную организацию разрешённого свыше разбоя и грабежа. И, естественно, чем глубже истощена страна, тем острее ожесточаются ужасы сдирания с неё всё новых и новых шкур. Абдул-Гамид не только не хочет, он и не может пощадить армян, потому что он – государственный банкрот.

Затем Абдул-Гамид не может и не хочет пощадить армян потому, что в его глазах они – естественные враги Ислама и азиатские союзники христианской Европы, а прежде всего России, правительство которой он впоследствии так искусно и, если позволено выразиться, самоубийственно вооружил против этих же «союзников» суровым и полным репрессий предубеждением. Наша дипломатия – и в особенности ученики и подражатели Лобанова-Ростовского, – слишком часто упускали из виду, что в лице Абдул-Гамида она имеет дело с побеждённым и злопамятным врагом, не забывшим ни отрезанного Карса, ни освобождённой Болгарии. С самым доверчивым легкомыслием, которое льстецы и энтузиасты «московской» фракции панславизма прославляли как государственную мудрость, дипломаты помянутой школы то и дело плясали по дудке Стамбула, уничтожая его врагов и парализуя своих друзей.

Если вспомнить историю русско-армянских отношений с XVII

века, то султан, по-своему, глубоко прав, преследуя в армянах русский авангард в Малой Азии. Довести и русскую дипломатию до выдачи ему на пропятие²⁶ собственных своих трёхвековых союзников, убедить русское правительство, что союзники эти – не союзники, но изменники, достойные злейшего преследования и лишения гражданских прав, несомненно было политическим *chef d'oeuvre* от султана Абдул-Гамида. Известно, что главный национальный символ армянства есть их церковь с V века, расколом на вселенском соборе, равно обособленная и от латинства, и от византийского православия. Армения – первое государство древности, принявшее христианство как государственную религию. Лишь после тысячелетней борьбы один на один с воинственными волнами ислама армяне встретили некоторую нравственную поддержку христианского государства – в царстве Московском. В благодарность они сделались усерднейшими носителями русской культуры и проводниками русского политического влияния вглубь Азии. Грамоты московских царей свидетельствуют о заслугах армян русскому делу на Востоке: включительно до последней турецкой войны, армяне – и нравственно, и материально – неизменные союзники русского движения на Евфрат. Во главе русских войск шли в Малую Азию Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов, а навстречу им выходили из деревень с крестами и хоругвями армянские попы и мужики, веруя, что исполняется заветная мечта армянского народа: падает турецкое иго и Россия берёт одноверный, хотя и диссидентский народ под свою высокую руку. Мечта не сбылась. Не получив от России политической защиты, армяне всё же продолжали усердно и любовно черпать из неё силы культурной самопомощи. Армянская литература – зеркало русской; армянский театр воспитался Гоголем, Грибоедовым, Островским; армянская интеллигенция вышла из русских университетов, платя им обратно за науку такими силами, как, например, Ю.С.Гамбаров, Г.А.Джаншиев, Нерсесов, Эзов²⁷ и др. В науке, в искусстве, в адвокатуре, в

²⁶ То же, что и распятие.

²⁷ **Гамбаров, Юрий Степанович** (1850-1926), крупнейший русский юрист, энциклопедист; окончил Московский университет, учился за границей, был про-

войне, даже в бюрократии – всюду русские семидесятые и восьмидесятые годы показывают нам талантливых армян, понимающих счастье своей родины – в счастье России и работающих – каждый по-своему – на русской общественной ниве с таким усердием и любовью, каких дай Бог природным русским. Из бесчисленных примеров достаточно назвать хотя бы того же Г.А.Джаншиева, автора «Эпохи великих реформ», и напомнить, что единственную, короткую и, хотя с грехом пополам, но всё же передышку от суровой государственной реакции 1870-1904 года русское общество имело в «диктатуре сердца» армянина Лорис-Меликова. Единство русской и армянской культуры строилось на единстве русских и армянских интересов, и русская Армения за Кавказом всегда была бельмом на глазу для Турции и надеждою для армян за Араксом. Русское воспитание сказалось впоследствии даже на первых армянских политических кружках, имевших характер национального протеста. Женевский «Хнчак» (Колокол), первоорган армянского социализма – крестник русской революционной эмиграции. Организация армянской федерации, возникшая в 90-х годах и всецело посвящённая агитации в пользу турецких армян, руководилась бывшими студентами с.-петербургского и московского университетов, воспитанными в идеях Тургенева, Достоевского, а более всего – Н.К.Михайловского. Большинство членов этой организации было женато на русских жёнах. Я черпаю эти подробности из личных воспоминаний одного

фессором гражданского права в Одессе, Москве, Париже, Брюсселе, Петербурге; один из основателей социологической школы в гражданском праве с учетом достижений экономической науки. Автор «Курса гражданского права» (1911) и др. трудов. Первый ректор Ереванского государственного университета.

Нерсесов, Нерсес Осипович (1848–1894) – юрист, специалист по торговому и гражданскому праву.

Эзов (Езов, Езян), **Карапет Арутюнович** (1835–1905) – филолог, историк, окончил Лазаревский институт восточных языков, затем отделение восточных языков Петербургского университета. Занимал высокие посты в министерстве внутренних дел, министерстве просвещения, выполнял значительную культурно-просветительскую работу. Главный труд – изданная на русском в 1898 г. книга «Сношения Петра Великого с армянским народом», охватывающая русско-армянские связи с эпохи Петра I до начала XIX века и содержащая ряд ценнейших документов, опубликованных во второй части книги.

из редакторов парижской «Pro Armenia». Но, чтобы подтвердить эти показания свидетелем из противного лагеря, напомним хотя бы реакционные пасквилы на швейцарскую эмиграцию покойного Жителя²⁸, неизменно изображавшие свободолюбивую армянскую молодёжь в Цюрихе и Женеве лишь ученической филиацией русского прогрессивного движения. Словом, с какой бы точки зрения ни рассматривали мы недавнюю Армению, она до самого последнего времени оставалась неугасимым очагом русского влияния и русской культуры. Султану Абдул-Гамиду было необходимо залить этот мирный очаг кровью междоусобия, чтобы его спокойное пламя не служило маяком для жертв террора, хронически бушующего по ту сторону малоазиатской границы.

Свою подготовку будущей гражданской войны на Кавказе великий стамбульский политик начал очень давно. Абдул-Гамид в своих политических шагах напоминает иногда факира, который эффектно принимает на глазах публики смертельный яд... после того как за кулисами принял верное противоядие. Никто смелее его не бросается в объятия опасные и, казалось бы, должны его погубить, тогда как он обращает их в свою броню и живёт в них – не будь он мусульманин, можно бы сказать – как у Христа за пазушкой. Знаменитая комедия путешествия Вильгельма II на Восток в качестве «потомка крестоносцев» была раструблена европейской прессой как чуть ли не сдача всей Турции, оптом и в розницу, в полон германского влияния и капитала. Действительно, воспользовавшись ошибками и беспечностью русской дипломатии, Вильгельм оцепил Малую Азию своими агентами и миссионерами и заручился в ней многочисленными концессиями, в которых он гласно и негласно заинтересован на крупные суммы лично. Но – увы! И на нём сбылось правило некромантии, что волшебник, покоривший себе дьявола, сам покоряется дьяволу и связывает с ним свою судьбу. Сделавшись концессионером и перебросив в Турцию участь многих германских миллионов, «потомок крестоносцев» мало чего боится более, чем возможности, что

²⁸ Псевдоним.

крест взбунтуется против луны и христианская революция сорвёт аферу христианского капитала. И вот – политика Вильгельма II в отношении армянского вопроса сжимается до унижительной двуличности. В то самое время, как представитель Германии (секретарь посольства) официально протестует пред Портою против малоазиатских избиений, в кармане султана покоится собственноручное письмо Вильгельма, которым «потомок крестоносцев» даёт своему царственному другу *carte blanche* - «показать своим подданным, что он – монарх Божию милостью, и воля его для них есть воля Бога».

Ещё более характерным примером губительной для армян приспособляемости султана Абдул-Гамида ласково вынимать из руки врага оружие нападения, чтобы затем пользоваться им как орудием самозащиты, является его игра с русским бюрократическим панславизмом, результаты которой теперь пожинает Кавказ, снова дымящийся кровью после сорокалетнего спокойствия. Султан Абдул-Гамид не пропустил в своё время ни германского *Drang nach Osten*²⁹, ни возрождения панславистической идеи с всеславянской гегемонией русского императора. Идея старинная, ещё московской выдумки. В нашей русской передовой интеллигенции она всегда считалась утопией славянофильского толка, но на западе в её доктрине находили и находят известный политический смысл и иногда считались с нею более серьёзно, чем фактические проявления идеи заслуживали. На мусульманском же востоке идея московской опасности, окружённая легендами, выросшими в многочисленных русско-турецких войнах, – своего рода политическое суеверие, неодолимое нравственное пугало Ислама, сказочный фатум, который даёт отсрочки, но рано или поздно настаивает. *Drang nach Osten* Абдул-Гамид оставил двигаться, куда ему угодно, но опутал его золотыми цепями. Теперь нет в Европе больших туркофилов, чем германские капиталисты, и нет в Малой Азии иностранцев более осторожных, чтобы не запутаться в какую-нибудь политическую сумятицу, чем немцы-миссионеры. Против панславистической идеи, более беспокойной, так как прежде

²⁹ Натиск на восток.

всего воинственной, облечённой в московские вопли о «кресте на святой Софии» и только что отнявшей у султана Карсскую область, золотой меч не годился и пущены были в ход другие, более тонкие и опасные силы.

После ряда западнических царствований Россия, жестоко оскорблённая Европою на берлинском конгрессе, вступила с императором Александром III в период попыток к замкнутой самобытности с программю объединения государственных народностей в искусственный блок своеобразной «общеимперской расы». Так как в то же самое время Россия очень больно обожглась на «неблагодарности» Болгарии, которой она дала бельгийскую конституцию, но не позволила конституцией управляться, то внешние панславистические надежды энтузиастов вроде Скобелева, Аксакова, московского городского головы Алексева весьма быстро побледнели. Влияние Европы на балканских славян оказалось сильнее нашего, и император Александр III, как известно, на 8 лет прервал всякие сношения с Болгарией, так сказать зачеркнув её для России на карте Европы. Этот политический *coup de force*³⁰ был очень тяжёл для обоих государств и оказался впоследствии более невыгодным для России, чем для Болгарии, успевшей за этот срок окрепнуть в самостоятельную и очень серьёзную национальную силу. Новое русское царствование императора Николая II поспешило от политики отчуждения отказаться. Но опалю Болгарии Александр III искусно спас декорум русского авторитета в недрах панславистской идеи, которую он любил страстно и упорно, хотя и не раз резко останавливал панславистов, слишком торопливых и пылких, вроде трёх вышеназванных. Берлинский трактат и бессилие России повернуть в свой фарватер политику славянских государств на Дунае учили: *festina lente!*³¹ И вот прежде всего русское правительство занялось проверкою своего панславистского арсенала. Он оказался недостаточным, а имперский состав – слишком разноплеменным, чтобы установить в планетной системе пан-

³⁰ Вынужденный удар.

³¹ Буквально: «спеши медленно», т. е. все делай не спеши.

славизма непрерывный закон физического тяготения к России, как к солнечному ядру, которого масса и цельность победоносно исключают возможность каких-либо иных соперничающих влияний и тяготений. Тогда внешний панславизм был отложен в долгий ящик, и государство принялось за суровую подготовительную работу панславизма внутреннего: за фабрикацию сплошного русского ядра, должно установить закон тяготения в славянской планетной системе. Началась русификация окраин, стеснения инородцев и иноверцев, настойчивое проведение в жизнь государственного языка, государственной школы, государственной церкви, общая нивелировка имперского состава по меркам церковного православия и русско-бюрократического идеала.

Нигде печальные плоды этой неудачной политики не вызрели с такою ужасающею быстротой и силою, как на Кавказе, быть может, именно потому, что русификаторский посев явился там особенно неожиданным, ненужным, противным государственной логике и здравому смыслу. Вспоминая Закавказье даже конца восьмидесятых годов, всякий беспристрастный свидетель событий должен сознаться, что счастливая полоса между Каспийским и Черным морем, между Гудауром и Араратом была самую спокойною и мирною из всех русских окраин. А тот элемент, который теперь наиболее подозрительно и гневно преследуется в ней как антирусский и революционный – элемент армянский – был едва ли не консервативною опорой местной администрации против маленьких племенных агитаций, что и вполне естественно; армянин в Закавказье – буржуа и земледелец: два класса, по существу наиболее нуждающиеся в твердом, устойчивом режиме и потому всюду наиболее консервативные и неподатливые на государственные перевороты. Долговременное мягкое наместничество в.кн. Михаила Николаевича (при нем тифлиссские газеты фактически пользовались почти что полною свободою печати, не исключая полемики против некоторых личных предприятий самого в.кн.) и управление кн. А. М. Дундукова-Корсакова приучили край к режиму веро- и народотерпимому, чуждому какого бы то ни было политического фанатизма. Можно смело утверждать, что в

этих годах Кавказ был русифицирован без русификации и на первом плане в его естественном обрусении оставались опять-таки армяне. Я прожил в Тифлисе 1887 и 1889-91 и не помню мало-мальски образованной армянской семьи, в которой русский язык – без всякого к тому давления власти – не был бы домашним. Надо было много бюрократических усилий употребить, чтобы в каких-нибудь десять лет перевернуть вверх дном этот – рай не рай, – а все же уголок упорядоченного и лояльного прогресса и обратить его в ад, которого мы теперь очевидцы.

Имя князя Голицына неразрывно связано с этою трагическою метаморфозою, но все же не следует придавать неудачной деятельности князя больше значения, чем она заслуживает. Голицын лишь конечный довершитель разгрома, начатого издавна, практический осуществитель теоретических предначертаний, выношенных вдали от Кавказа, а во многом, пожалуй, и вдали от России. Совершенно естественно, что обрусительная политика центра должна была на Кавказе отозваться прежде всего и тяжелее всего на положении армян: из всех кавказских инородцев-христиан они одни – неправославные. Хотя нельзя сказать, чтобы армянин был очень религиозен по натуре, но – надо повторить: его церковь, за которую он сражался и страдал более тысячи лет, есть его национальный символ: обособленность церкви, отвоеванная ими у латинства, и у Византии, и у ислама, дорога армянину как неугасимый показатель жизни и единства всемирно рассеянного эмиграцией армянского народа. Русификация сделала много бестактнейших покушений на армянскую самобытность: однако, армяне хоть покряхтывали, но терпели, покуда Голицын не наложил руки на церковные имущества. Эта провокация сделалась эрою революционного движения. До тех пор армянская революция существовала только в воображении фанатиков провокаторства, вроде покойного Велички, в доносах чиновников, жаждущих отличиться перед Петербургом служебным усердием, в корреспонденциях официозов с «Новым временем» во главе и – в постоянных внушениях нашего константинопольского посольства и министерства иностранных дел, руководимого знамени-

тым Лобановым-Ростовским. В этом человеке хотели видеть злейшего и рокового врага Оттоманской империи, Бисмарка будущего панславизма, грядущего восстановителя креста на св. Софии и автора новой карты Европы с разделенною Турцией. В действительности же он в течение всего своего министерства ходил эффективным фантошем на ниточках, которые дергал в Ильдиз-Киоске султан Абдул-Гамид, и – вряд ли кто другой оказал больше бессознательных услуг исламу и вреда делу России на Ближнем Востоке. Говорят, что лишь в последний момент жизни у Лобанова-Ростовского открылись глаза на роковую роль его в политике Ближнего Востока: он упал, пораженный первым ударом, на железнодорожном вокзале в Киеве, после того, как получил депешу об ужасах сасунской резни, которую он мог предотвратить одним своим словом – и не сказал ничего...

Султану Абдул-Гамиду было необычайно важно лишить турецких армян помощи армян русского Закавказья. И вот – Порта повторила буквально тот же прием, которым восемьдесят лет назад она компрометировала в глазах Александра I греческое освободительное движение, выставив гетерию Александра Ипсиланти³² отраслью карбонаризма. Национальное стремление турецких армян получить реформы, гарантированные им обещанием всех европейских держав, превратились во внушения мусульманского Макиавелли в агентуру интернациональной социальной революции, а закавказские симпатии к сасунцам и иным, с которых курды «гамидэ» и просто курды живьем сдирали шкуру, были систематически представляемы Петербургу как симптом недовольства существующим государственным строем, революционные попытки воскресить автономию, поднять из мертвых великую Армению и – это уже избрела усердствующая

³² **Ипсиланти, Александр Константинович** (1783-1828), князь; прибыл в Россию в 1808 г. со своим отцом, бывшим господарем Молдавии. Будучи на русской военной службе, участвовал в войне с Наполеоном, отличился при Дрезденском сражении, потерял руку, был адъютантом Александра I, в 1817 г. произведен в генерал-майоры. Гетерии – греческие тайные общества, имевшие целью освобождение Греции от турецкого ига. В 1820 г. Ипсиланти взял на себя руководство восстанием против Турции в Дунайских княжествах, став председателем гетерии Филике, центра тайных обществ. Повстанцы под руководством Ипсиланти вели неравную борьбу, терпели поражения и были разбиты в 1821 г.

кавказская администрация! – похитить у Российской империи не только Закавказье, но и весь Кавказ с горами и степями... до Ростова-на-Дону! Таким образом, дело защиты Турции от армянской революции как бы обратилось в дело самозащиты России от сепаратического заговора, и патентованный истребитель христиан в Малой Азии стал за щит автократии, от которой малоазиатское христианство двести лет чаяло своего освобождения. Круто были оборваны сборы в пользу малоазиатских армян-повстанцев. Суровые репрессии, до расстреливания включительно, обрушились на добровольческое движение из русского Закавказья в малоазиатскую инсurreкцию. Россия позабыла 1875 год, Черняева³³ и русские удалые головы, тысячами polegшие на полях Алексинача и Дюниша за свободу сербов. А ведь сербы нам все же будут родственники подальше, чем армянин из Малой Азии армянину из Закавказья.

Систематическое восстановление русского правительства против армянского народа удалось Порте тем легче, что попало на почву, хорошо подготовленную. «Неблагодарность» Болгарии, решительно уклонившейся от чести быть негласною русскою губернией и имевшей дерзость не только иметь конституцию, но и пользоваться ею, исполнила русскую внешнюю политику горечью предубеждений и страхов против всякой новой пограничной автономии. Общеизвестна угроза Лобанова-Ростовского, определившая программу России в армянском вопросе:

– Мы не хотим второй Болгарии!..

И он пояснял, что автономия, должна выделяться для турецкой

³³ **Черняев, Михаил Григорьевич** (1828-1898), генерал, профессиональный военный, участвовал в Крымской войне, воевал в Средней Азии, на Кавказе, брал штурмом Чимкент (1864), Ташкент (1865), был военным губернатором образованной Ташкентской области, пользовался доверием и уважением местных народов. После восстания в Герцеговине (1875) вступил в сношения с сербским правительством и выехал в Белград для руководства военными действиями в кампании против Турции. Известие о назначении Черняева главнокомандующим стало сигналом для всех славян к формированию добровольческих отрядов и помощи сербам.

Алексинач – главный город округа того же названия, приобрел известность в 1876 г., когда в его окрестностях шли сражения между сербами и турками. Укрепления Алексинача, Делиграда и Дюниша составляли стратегическую позицию, преграждавшую путь туркам на Белград.

Армении из реформ Берлинского трактата, будет ядом для русского Закавказья, отравив его конституционными вожделениями, сепаратическими надеждами, духом политического раскола... Опять-таки – увы! увы! увы! В турецкой Армении, пожертвованной нами Порте на курдское съедение ради гарантии собственного нашего государственного спокойствия, с тех пор вырезано до полумиллиона человек, и это единственная тамошняя «реформа». А что представляет собою наш современный Кавказ?! Один итальянский психиатр рассказывал мне, что у него был пациент – прогрессивный паралитик, безумие которого обнаружилось следующим странным случаем. Поблизости его квартиры загорелся бакалейный магазин. Больной наблюдал пожар с большим любопытством и все беспокоился, что искры летят в окна соседних домов. И вот – вдруг он уходит из толпы зевак, спешит домой: видят, как он тщательно запирает окна, двери, затворяет ставни, спускает занавески. А затем – после всех мер предосторожности – бедняга очень деловито собрал все лампы в доме, вылил из них керосин на ковер и – поджег!.. К счастью, по какому-то предчувствию, за ним следом пошли жена и брат и подоспели вовремя, чтобы спасти несчастного и не допустить пожара. Боюсь, что в отношении Кавказа местная русская администрация и петербургская бюрократия действовали совершенно по тому же методу. Тщательно закрывая окна Закавказья от искр малоазиатского пожара, князь Голицын и бывшие с ним собственными руками обратили Тифлис, Баку, Батум, Эривань во внутренний склад горючего материала, собственными руками поднесли роковую спичку – и вспыхнул домашний пожар междуплеменного буйства, ужасами своими вряд ли имеющий примеры в истории не только еще короткого нашего, но и всего прошлого века!

Кроме болгарской «неблагодарности» и вообще неудач панславизма на русской подкладке, огромную роль в предубеждении русского правительства против армян сыграл общий реакционный поворот после 1881 года с упорным нежеланием бюрократии взглянуть прямо в глаза истине и со слепую тенденцией относить все недовольства действующим режимом, бродящие в русском обществен-

ном море, на счет евреев, поляков, армян и прочих инородцев окраинных и внутренних. В результате – Гурко в Польше, Бобриков – в Финляндии, Голицын – на Кавказе. Малейшие столкновения законнейших инородческих прав с новым государственным курсом понимались как явления крамольные. И так как с исконными армянскими правами новый курс столкнулся очень скоро и резко, то армяне стяжали в Петербурге репутацию народа крамольного и бунтовского по преимуществу; нива Абдул-Гамида получила новое удобрение! Собственно говоря, с назначением кн. Голицына главноначальствующим на Кавказе весь армянский народ можно было считать как бы в гласном подозрении и под полицейским надзором. Провозглашал же этот удивительный сановник своею политической программой:

– Доведу до того, что единственным армянином в Тифлисе останется чучело армянина в Тифлисском музее!

Роковая политика Дальнего Востока с китайской прелюдией к страшной симфонии японской войны уже назревала, увозя русские силы и деньги на Тихий океан. Русское правительство не могло окружить поднадзорную народность достаточным количеством сторожей. Тогда оно уподобилось политической Пенелопе и руками кн. Голицына распустило ткань почти вековой неустанной работы. Сто лет трудилась Россия, чтобы замирить Кавказ и объединить его разрозненные, враждующие народы. Новый курс пошел в обратном направлении. Он решил дать армянам урок, что они безопасны – лишь покуда немые рабы русского бюрократического произвола; что при отсутствии с их стороны беспрекословного повиновения русификаторскому режиму они будут оставлены русскими властями вне гражданского закона и военной защиты и – безоружные – лицом к лицу со своими старыми соседями-врагами. Г-н Величко употребил весь свой талант, чтобы обострить отношения, существовавшие между армянством и грузинами, играя по преимуществу на струнах задолжания обнищавшей Грузии армянскому капиталу. В своём спехе найти местный оплот против предполагаемых революционных течений кн. Голицын схватился за татар, как рыба хватает червяка, не подозревая, что в нем спрятан крючок. И от крючка тянулась

длинная-длинная путаная леса, привязанная к длинному-длинному удилищу, нижний конец которого, перекинувшись через Черное море, исчезал в Ильдиз-Киоске. На Drang nach Osten немцев и русскую проповедь воинственного панславизма Абдул-Гамид давным-давно ответил мощною и искусною пропагандою панисламизма; она имела уже то преимущество пред пропагандами европейских программ, что не кричала о себе ни в застольных речах, ни в передовых статьях, никого не закидывала шапками и никому не грозила бронированным кулаком, но потихоньку и полегоньку ползла по горным ущельям и долинам Малой Азии, как тихая, злая змея, и бесшумно делала свое фанатическое дело. Агенты панисламического движения рассыпались по Малой Азии и Кавказу, неуловимые, не подозреваемые, всюду проникающие, понятные в каждом слое населения, приятные в каждой сакле, потому что ислам демократичен и в существе не знает разницы сословий. И на старуху бывает проруха: в конце девяностых годов в Елизаветполе был обнаружен мусульманский заговор и найдены панисламические прокламации Абдул-Гамида. Но – quos vult perdere, dementat³⁴: недреманное око в Тифлисе осталось закрытым на грозящую опасность. Напротив, это открытие – до известной степени эра нашего административного татарофильства. Власти как будто остались довольны, что нечаянно натолкнулись на такой компактный клубок местной розни. Стоит, мол, лишь взять змеиный клубок покрепче в свои руки – и вот вам нечто лучше всякого казачества и надежнее всякой жандармерии: страшная, решительная, беспощадная – притом чуть не даровая – угроза против всяких возможных и невозможных «революций» христианского населения. И воображали, будто панисламический клубок дался им в руки. И только теперь, когда против татарской анархии работали пушки и едва ли не приходится двигать на Кавказ регулярные войска и возвращаться к старинной системе казачьих поселков, – только теперь в пламени Баку рассмотрела русская бюрократия,

³⁴ В сокр. передана латинская поговорка: «Кого бог хочет погубить, того он прежде лишает разума».

сколько самоубийства для государства с разноплеменным и разноверным населением носит в себе аморальная политика *dividere et imperare*³⁵.

Мне не хочется быть слишком пессимистом. Я скептически слушаю мрачные пророчества здешних вещей голосов, будто мы на Кавказе в армянских ужасах рвем только цветочки, а ягодки будут впереди; и будто рост мусульманской анархии подарит нам в Малой Азии кое-что похуже Махди³⁶ и сумасшедшего Муллы; будто мы стоим под угрозой, что не сегодня-завтра Абдул-Гамид протянет свою нежную, уже старческую руку к землям, которые он вынужден был отдать России тою же рукою, когда был молодым человеком. Оставим все эти мрачные гадания, одним пророкам внушаемые озлоблением вполне понятного и извинительного отчаяния, другим – нескрываемою радостью неожиданного торжества, третьим – страхом, у которого глаза велики. Не станем, так и быть, заглядывать в будущее, – и настоящее достаточно страшно.

Русские газеты очень радужно пишут, будто Россия входит в новый период политической жизни с свободной мыслью и со свободным словом избранных, если и не весьма народных, то все же как будто и не вовсе по назначению из министерства внутренних дел. Должен сознаться, что личное мое мнение о всех восторгах и чаяниях этих суммируется двумя пословицами: «дай Бог нашему теляти волка поймати» и «цыплят считают по осени». Но нет никакого сомнения, что этой «новой России», какова бы она ни оказалась, на первых же порах придется отдать значительную долю своего реформационного процесса инородческим вопросам; в том числе и в силу требовательной остроты современного напряжения едва ли не на главном месте – вопросу армянскому.

Конечно, прямым долгом «предполагаемой быть» новой России будет – поправить роковые ошибки и злоупотребления полицейско-бюрократического режима. Процесс поправки не замедлит выясниться,

³⁵ Разделяй и властвуй.

³⁶ Махди – мусульманский мессия.

что естественный корень армянских недовольств, помимо причин местных, то есть бюрократических ошибок и злоупотреблений, лежит не в пределах Закавказья, но в малоазиатской Армении. Он выращен чувством братства на почве кровного родства и национальной морали и неистребим, покуда не истребятся страдания малоазиатских армян. Нашему отечеству предстоит работа колоссальной внутренней ломки. Но нутро – нутром, а границы – границами и соседи – соседями. Одним из первых деяний внешней политики будущей «новой России» должно быть – возвратиться в армянском вопросе к 1878 году и категорически потребовать от султана исполнения §61 – об армянских реформах – в Берлинском трактате. Это будет внешним лекарством, которое вернее всего исцелит нашу внутреннюю закавказскую язву... одну из наших опаснейших и самых болезненных язв.

- Да! Стало быть вы рекомендуете «новой России» с места в карьер поставить себя из-за армян в опасность европейской войны?

- О, нет! никогда! ни за что на свете!

- Не сами ли вы только что писали, что проведение реформ осталось предприятием безнадёжным потому, что в противоречии своих частных интересов европейские державы никогда не могли удовлетворительно прийти к общему соглашению?

- Да. Но ведь последняя очередь соглашения – именно осталась за Россией. Первоначальная противница осуществления реформ, Англия, давно убедилась, что, какие бы ни были их политические последствия, они для неё будут всё же приличнее и выгоднее той кровавой анархии, которою Абдул-Гамид сперва истязал Малую Азию, а теперь заразил и наше Закавказье. Больше того: ещё в 1896 году герцог Аргайльский опубликовал интересную брошюру, сочувственно встреченную общественным мнением, в доказательство, что осуществить процесс армянских реформ есть законное право и прямое дело России и должно быть ей поручено державами без всяких подозрений и ревностей. В последнее десятилетие сила 61-го параграфа тормозилась исключительно суровым вето России, которое покорно повторяла – особенно устами Делькассе – Франция...

Предупреждал же Лобанов-Ростовский, что требования реформ в Армении Россия примет за *casus belli*!³⁷ В вопросе армянских реформ за стоят Англия и Италия, против – Россия; в условном согласии, если Россия согласится, – Франция и Германия; о последней вернее сказать – полный хозяин её внешней политики Вильгельм II; он всегда будет против разорительной для германских интересов революции в Армении и открыто заявил, что считает несвоевременными не только громы освободительного оружия, но и угрозы громами, – но мирное осуществление реформ под международным контролем не может принести ему ничего, кроме выгод. В деле армянских реформ – решающий голос России. Европа на них или согласна, или к ним безразлична.

– А что если опасения старых политиков справедливы – и на южной границе России в самом деле вырастет после реформ Великая Армения?

– Десять лет тому назад я сказал бы, что этого быть не может и к тому нет данных в армянском народе, совсем не желавшем тогда выходить из-под спокойной русской опеки, за исключением, может быть, весьма незначительной кучки националистов-энтузиастов, без которых не живёт ни единое племя, лишённое политической самостоятельности. Тогда армянский сепаратизм был полицейским мифом. Если кн.Голицын и ему подобные пророки бюрократического режима разочаровали армянский народ в русской опеке и довели одних армян до необходимости бежать куда глаза глядят, а других – до возможности и желания завоевать себе вооружённой рукой грезу Великой Армении, то на головы этих администраторов и должна упасть вина новорожденного армянского сепаратизма. Делом же «новой России» будет умиротворить его в законных притязаниях политического равноправия настолько, чтобы Великая Армения ему не понадобилась и самоуправление в общем государственном составе России было наглядно выгоднее выделения в изолированную национально-политическую единицу. И ещё, знаете ли, господа? Вели-

³⁷ Т.е.: повод к войне.

кая Армения, которою запугивали Россию Велички и Грингмуты, – ещё бабушка надвое говорила, будет или нет, а вот разнузданную Татарию-то мы уже завели за Кавказом – и в таких размерах, что должны вести с этим удивительным «государством в государстве» после краткого и не весьма лестного, бюрократического с ним союза нечто вроде местной войны. И, глядя на этот колючий плод, бабушка даже не говорит надвое, но только молча и скорбно качает головою. Да, кавказская бабушка недаром качает старою, скорбною головою. Каша заварена круто, и боюсь, что расхлёбывать её придётся, именно как старая ироническая песня поёт:

«Детушкам, бабушка, детушкам!

Детушкам, Пахомовна, детушкам!».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Собрание сочинений

А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Томъ XXXIII.

„Царство звѣря“.

Историческое сочинение.

Томъ первый.

Арменія и Римъ.

Петроградъ.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д. № 75.

А. В. Амфитеатровъ.

Арменія ≡≡≡

и

≡≡≡ Римъ.

Петроградъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

[ГЛАВА ВТОРАЯ ИЗ КНИГИ “АРМЕНИЯ И РИМ”]

II.

Арменія. Евфратъ. Пути на Дальній Востокъ.

„Гора Кавказъ тянется надъ обоими морями, Понтскимъ и Каспійскимъ, укрѣпляя стѣнами тотъ перешеекъ, который раздѣляетъ моря. Съ южной стороны гора отдѣляетъ Албанію и Иберію, а съ сѣверной поля Сарматовъ. Гора изобилуетъ разнообразнымъ лѣсомъ и между прочимъ корабельнымъ. Ератосеенъ утверждаетъ, что туземцы называютъ Кавказъ Каспиемъ, назвавши его такъ, быть можетъ, отъ имени Каспиевъ. Нѣкоторыя отрасли горы выступаютъ на югъ; онѣ обнимаютъ среднюю Иберію, соединяются съ Армянскими и т. н. Мосхскими го-

А. В. Амфитеатровъ. XXXIII.

3

рами, а также съ Скидисою и Париадрою. Всѣ эти горы суть части Тавра, образующаго южную сторону Арменіи; тамъ онѣ какъ бы отрываются къ сѣверу, продолжаясь до Кавказа и до берега Евксинскаго моря, который тянется отъ Колхиды до *Θεμισκιры*⁴.

Эта размѣтка греко-римскаго географа Страбона (XI, 2, 15), писавшаго въ вѣкѣ Августа и Тиберія, кладетъ сѣверный предѣлъ театру событій, къ разсказу о которыхъ и къ изслѣдованію которыхъ мы приступаемъ.

Простираясь къ западу, онъ, ³театръ этотъ, обнимаетъ весь полуостровъ Малой Азіи, втянувъ въ свое дѣйствіе, въ большей или меньшей степени, всѣ его области и государства.

На югѣ онъ захватываетъ Сирію съ Палестиною и Синайскимъ полуостровомъ включительно, не безъ откликовъ даже въ самомъ Египтѣ, и, перебѣжавъ черезъ Аравійскую пустыню, въ Месопотамію, на р. Евфратъ, спускается по его теченію къ Персидскому заливу.

На востокъ у него границы нѣтъ: она — тамъ, гдѣ кончалось Паряенское царство, а, гдѣ оно кончалось, этого ни мы не знаемъ, ни римляне опредѣленно не знали, да, кажется, и сами паряене тоже ¹.

¹ Государство ихъ (паряенъ), — добавляетъ Мази, — простиралось отъ Евфрата до Бактріаны и устье въ Инда, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, они господствовали также надъ арабами — оманитами или оманами, а, въ болѣе точномъ обозначеніи, надъ восточнымъ берегомъ Аравіи. И, перейдя по ту сторону Инда, т. е. въ Индоскию, мы еще, можетъ быть, не выходимъ, если не изъ царства, то изъ сферы паряенскаго вліянія или даже протектората. Анонимный авторъ „Перипла“ (руководство къ плаванію по Красному морю) увѣряетъ, что Миннагаръ (Бинагара Птоломея и, можетъ быть, Пактоль похода Александра Македонскаго) — столица Индоскии — былъ во власти паряенскихъ князей, которые, въ постоянныхъ распряхъ между собою, только и дѣлали, что выгоняли одинъ другого. Если такъ было даже въ I вѣкѣ христіанской эры, къ которому предположительно относится

Въ виду той важности, которую представляютъ для этого историческаго театра его горныя условія, я считаю полезнымъ привести здѣсь подробную орографію Азіи, насколько захватывается этотъ великій материкъ изложеніемъ моей темы. Итальянскій историкъ, Винченцо Мази, исходя отъ Арарата, какъ центральнаго узла или корня азіатскихъ горъ, рисуетъ орографію античной части материка въ такомъ видѣ:

Часть Азіи, которая послужитъ намъ сценою, можно сравнить съ огромнѣйшимъ треугольникомъ, обращеннымъ вершиною внизъ. Западною стороною его будетъ линія, проведенная изъ предѣловъ юго-западной Аравіи къ Геллеспонту. Основаніемъ — линія, проведенная отъ Геллеспонта къ Имаусу Скиѳскому (Болоръ Тагъ). А восточною стороною — третья линія, которая соединитъ эту горную цѣпь съ вышереченною точкою въ Аравіи... Центральною горною группою этого громаднаго пространства является Арменія, настоящій лѣсъ горъ, высшая точка которыхъ — Абусъ (Араратъ). Отсюда выходятъ на западъ три цѣпи. Одна, именуемая Тавромъ, идетъ ближе къ Средиземному морю (т. е. къ части его, называемой „внутреннимъ“ моремъ, омывающей о. Кипръ) до тѣхъ поръ, пока не упирается въ него на западномъ берегу полуострова Малой Азіи. Другая простирается вдоль Эвксина до Пропонтиды и Геллеспонта. Ея главныя точки — Паріадръ въ Понтѣ и Олимпъ въ Виѳиніи и Мизіи. Наконецъ, третья имѣетъ направленіе, какъ бы параллельное съ первою,

„Периплъ“, то можно вѣрить въ гораздо широчайшее распространіе персійскаго могущества въ болѣе раннюю эпоху истиннаго государственнаго расцвѣта персовъ. По словамъ древнихъ писателей, уже первые Арзациды дѣлали завоеванія въ Индіи. Діодоръ Сицилійскій приписываетъ Арзаку Митридагу I завоеваніе индійскаго царства, нѣкогда принадлежавшаго баснословному Пору.

хотя и называется Антитавромъ. Ея развѣтвленія касаются первыхъ двухъ и покрываютъ центръ Мало-азиатскаго полуострова.

Кавказъ, поднимаясь сѣвернѣе Абуса, образуетъ естественную и нелегко проходимую границу (подобно тому, какъ Альпы для Италіи) горной и песчаной мѣстности, заключенной между Эвксиномъ и Каспіемъ. Онъ посылаетъ горную цѣпь вдоль южнаго берега Каспійскаго моря (*Sariphi montes*) въ страну гиркановъ. На сѣверъ отъ этой цѣпи лежатъ степи р. Оксуса (Аму-Дарьи), а, уклоняясь слегка на юго-западъ, она соединяется съ третьимъ главенствующимъ пунктомъ этой великой горной системы — Паропамизомъ (Гиндукушъ).

На югъ отходятъ отъ Абуса, какъ развѣтвленія Тавра, съ легкимъ западнымъ уклономъ, горы, которыя въ Сирии носятъ названіе Амана, въ Финикіи и Келесиріи — Ливана и Антиливана, въ Палестинѣ — Черныхъ горъ, въ Аравіи — Аравійскихъ горъ. Такъ добѣгаютъ они до пролива Бабъ-эль-Мандебъ, у котораго и обрываются.

Отъ того же Абуса, наконецъ, отходитъ наюго-востокъ еще цѣпь горъ, которыя, подъ разными названіями (*Masius, Carduchi, Zagrus, Choatras, Parachotras, Baetii*) раздѣляютъ Ассирію отъ Мидіи, образуютъ тылъ Персіи и, поворотивъ какъ бы полукругомъ на востокъ, достигаютъ, черезъ Гедрозію, р. Инда и соединяются съ хребтами Паропамиза (Гиндукушъ) и Имауса (Болоръ).

Эти цѣпи горъ можно почитать какъ бы опорами великихъ плоскогорій, составляющихъ одну изъ главныхъ особенностей азіатскаго материка. Вѣдь вся Малая Азія, вплоть до Эгейскаго моря, представляетъ собою плоскогорье, какъ, равнымъ образомъ,

плоскогорья — Персія и Иранъ, внутренняя Аравія, не говорю уже объ Арменіи, которую я назвалъ выше лѣсомъ горъ. Но между высокими горами, плоскогорьями и моремъ образуются какъ бы ущемленія почвы (*depressioni di terreno*) и отсюда возникаютъ сухія и сожженные солнцемъ пустыни. Такъ, на западъ отъ плодородной долины Тигра и Евфрата, тянется пустыня, отдѣляющая Сирію отъ Аравіи. Отъ подошвы Ливана до Аравійскаго залива разстилается болѣе или менѣе широкая полоса безотрадныхъ степей, извѣстныхъ нынѣ подъ именами Сирійской пустыни Нефудъ, пустыни *Roba-el-Khali*. Между плодоносными областями Ирана и гористыми берегами Хорассана тянется такъ называемая Соляная пустыня. А на югъ, въ древней Гедрозиі (нынѣ Белуджистанъ и Мекранъ), сухія степи, мало чѣмъ отличныя отъ пустыни, обращаютъ въ страну печали и мрака длинную земельную полосу между Индіей и Персіей. Это — знаменитое мѣсто потери великихъ армій Семирамидою, Киромъ и самаго мучительнаго изъ походовъ Александра Великаго. (*Vincenzo Masi.*)

На первомъ планѣ грандіознаго театра военныхъ и дипломатическихъ дѣйствій, столь рѣшительныхъ, какъ мы видѣли, для судебъ античнаго міра, и столь важныхъ, по конечному результату своему, въ общемъ процессѣ культуры Стараго Свѣта, — у рампы его, такъ сказать, — перебивали кратковременно и по очереди едва ли не всѣ малозіатскія государства. Наконецъ, роль первой актрисы въ тягостной трагедіи этой досталась Арменіи и осталась за нею надолго — не на десятки, а на сотни лѣтъ.

Происхожденіе армянъ - хайканцевъ — спорное. Геродотъ и Евдоксъ (408—355 до Р. Х.) считали

ихъ фригійцами, что подтверждаютъ современныя изслѣдованія череповъ изъ фригійскихъ могильниковъ (Вирховъ) и филологическія изысканія, снявшія съ армянскаго языка иранскія наслоенія и утвердившія его индо-европейскую основу (Гибшманъ). О множествѣ „фригизмовъ“ въ армянскомъ языкѣ упоминаетъ еще именно Евдоксъ. Память о балканскомъ происхожденіи армянъ сохранилъ Страбонъ, который считаетъ ихъ ѳессалійцами, потомками Армена, одного изъ товарищей Язона въ походѣ аргонавтовъ. Опять-таки гонимый своею темою, я не могу задерживаться на вопросѣ этомъ съ тою подробностью, какъ обслѣдовали его Марръ, Гибшманъ, Шрадеръ, Іенсенъ и др. Достаточно будетъ утвердиться въ мнѣніи, что фригійцы ли, нѣтъ ли, хайканцы были, несомнѣнно, народомъ индо германскаго корня, несли съ собою арійскій элементъ и участвовали во фригійскомъ переселеніи изъ Европы въ Азію. Спутники движенія фригійцевъ изъ Фракіи, съ Балканскаго полуострова, армяне пришли въ нынѣшнія мѣста свои, черезъ долину рѣки Галиса (Малую Арменію) и, какъ уже упоминалось, разрушили имперію и цивилизацію халдовъ-урартовъ. Въ VI вѣкѣ до Р. Х. мы застаемъ армянъ въ борьбѣ съ персидскимъ царемъ Даріемъ Гистаспомъ. Геродотъ знаетъ Арменію, какъ сатрапію мидо-персидской монархіи, относящуюся къ ея тринадцатому податному округу. Около 400 г. послѣдовало раздѣленіе Арменіи на восточную и западную. Такимъ образомъ, входимъ мы въ эпоху Александра Македонскаго, разрушившаго монархію Ахеменидовъ, что вывело Арменію изъ-подъ персидскаго владычества, но, кажется, не отдало подъ владычество македонское. Ея нѣтъ въ спискахъ 25 сатрапій Александровой монархіи. Але-

ксандръ никогда не выступалъ въ Арменію. Послѣ битвы при Арбелѣ онъ послалъ туда перса Миѳрина, но, кажется, ему не удалось овладѣть страною. По крайней мѣрѣ, въ 317 году мы находимъ здѣсь сатрапомъ Оронта, очевидно, того самаго, который ранѣе, при Арбелѣ, командовалъ въ персидской арміи вспомогательнымъ армянскимъ отрядомъ. Ранѣе, при Пердиккѣ (321), въ Арменію вторгнулся съ войскомъ Неоптолемъ, что какъ будто указываетъ, что онъ имѣлъ порученіе подчинить страну. Насколько это ему удалось, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, планамъ этимъ должно было положить конецъ междоусобіе, въ которомъ погибъ Неоптолемъ. (J. Beloch.) Повидимому, страна сохранила самостоятельность подъ верховною властью династіи потомковъ бывшаго сатрапа Оронта. Ю. Белохъ категорически утверждаетъ, что, если даже Арменія приняла свою зависимость отъ новой сирійской имперіи Селевка Никатора, то продолжала управляться туземными князьями, обязанными лишь нѣкоторою данью, да и то вѣчно бунтовавшими противъ и этой-то слабой связи съ своимъ сувереномъ. Такъ, въ 260 г. армянскій царь Ардоатъ поддерживалъ возстаніе Ариарата въ Каппадокіи. Нѣсколько позже армянскій царь укрываетъ политическаго бѣглеца, сына царя Никомеда Виѳинскаго. Армянскій князь Арзамъ поддерживалъ Антиоха Гіеракса въ войнѣ съ братомъ его Селевкомъ. По имени, это, какъ будто, основатель города Арсамосаты и отецъ царя Ксеркса, котораго въ 212 году принудилъ къ подчиненію Антиохъ Великій. Мы узнаемъ, такимъ образомъ, что уже отецъ Ксеркса былъ независимъ, умѣвъ, вѣроятно, выторговать себѣ самостоятельность именно во время войны двухъ братьевъ. Такъ какъ Арсамосата была

столицею его царства, то власть Ксеркса могла простирается только на западную часть Арменіи вдоль каппадокійской границы. Остальная Арменія, кажется, была въ то время подъ властью Оронта, очевидно, потомка одноименнаго сатрапа изъ Александровой эпохи. И, наконецъ, при Антиохѣ Великомъ и съ согласія послѣдняго, край былъ подѣленъ между двумя туземными князьями, которые сперва сидѣли здѣсь, въ качествѣ Антиоховыхъ воеводъ, — одинъ, Зариадръ, въ Софенѣ, другой, Артаксія, въ Арменіи. Съ нихъ начинается историческое существованіе Арменіи, какъ державы. (J. Veloch.)

Превращеніемъ своимъ изъ простой, хотя фактически автономной, провинціи великаго сирійскаго царства Селевкидовъ въ самостоятельное государство Арменія обязана римскому оружію, словившему въ битвѣ при Магнезії (564 а. у. с. — 190 до Р. Х.) силы Антиоха Великаго. По миру, который послѣдній долженъ былъ подписать нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого страшнаго разгрома, съ сирійскимъ патронатомъ въ Малой Азії было покончено. Западную часть полуострова по рѣку Галисъ (нынѣ Кизиль-Ирмакъ) римляне отнынѣ могли считать своею — открыто или, какъ они предпочли, подъ маскою протектируемыхъ государствъ автономій и вольныхъ греческихъ городовъ. А по ту сторону Галиса, нарѣзали новыхъ государствъ: Каппадокію и Великую Арменію и Софену. Сатрапы двухъ послѣднихъ, Артаксія и Зариадръ — хотя и не прямо въ силу мирнаго договора, но тѣмъ не менѣе все же подъ римскимъ вліяніемъ — превратились въ самостоятельныхъ царей и основателей новыхъ династій. (Моммсенъ.) Обѣ армянскія автономіи оказались жизнеспособными. Но, если Римъ ослабилъ ихъ

отдѣленіемъ царство Селевкидовъ, то не усилилъ и своего вліянія, такъ какъ симпатіи хайканскаго народа влеклись скорѣе въ сторону растущаго могущества пареянъ, что и дало пареянскому шаху Митридату II Великому (630—687) возможность навязать имъ свой протекторатъ. См. Дополненія.

Дальнѣйшая исторія Арменіи до паденія ея самостоятельности въ 428 г. по Р. Х., когда персы покончили съ династією Арзака, вся сливетъ періодомъ арзацидовъ. Взглядъ этотъ въ настоящее время поколебленъ. Новѣйшіе армянскіе историки-націоналисты полагаютъ, съ достаточною доказательностью, что шестисотлѣтнюю исторію отъ Артаксіи I (190—161 до Р. Х.) до Артаксіи IV (422—428 по Р. Х.) надо дѣлить на три періода:

- I. 190—1 до Р. Х. Національная династія (Артаксіи I) полунаслѣдственнаго характера, подъ выборнымъ контролемъ племенныхъ князей. Отличіе артаксіатовъ отъ дальнѣйшихъ армянскихъ государей обозначаетъ самостоятельный выпускъ ими звонкой монеты, который прекратился съ послѣдними царями изъ этой династіи (Тиграномъ IV и царицею Эрато).
- II. 1—66 по Р. Х. Междуцарствіе. Артаксіаты вымерли. Арзациды еще не водворились. Царскій санъ переходилъ изъ рукъ въ руки, къ разнымъ иноплеменнымъ князьямъ, каждый изъ которыхъ, въ отличіе отъ старой народной династіи, вѣлъ свою личную политику, опирая ее на союзныя отношенія съ великими міровыми державами, Римомъ или Партеіей.

III. 66—428 по Р. Х. Паряянская династія Арзацидовъ, начинаемая царемъ-джигитомъ Тиридатомъ I. Фактическое правленіе этого государя началось въ 52 г. по Р. Х., официально же онъ былъ признанъ (Римомъ, въ лицѣ Нерона Цезаря) въ 66 г. Династія Арзацидовъ переживаетъ паденіе Паряянскаго царства (227) и, со времени этого событія, становится наследственной въ точномъ смыслѣ слова, т. е. съ передачею престола отъ царя-отца къ старшему сыну. Раньше наследственность была только семейно-наместнической: армянскій царь всегда — братъ или сынъ паряянскаго царя („великаго царя“, шаха). Въ эту раннюю пору династіи, интересы Арменіи, естественно, связаны съ паряянскими и направлены противъ Рима. Въ позднѣйшую эпоху они соединяются съ римскими — противъ возрастающаго могущества Персіи подъ державою сассанидовъ. Въ концѣ IV вѣка два эти жернова — Римъ-Византія и Персія сассанидовъ — быстро стираютъ Арменію въ муку. И, наконецъ, эта злополучная Польша античнаго міра подверглась раздѣлу. „Пришли послы царя греческаго къ персамъ и послы персовъ къ римлянамъ и совѣщались, и согласились между собою царь греческій и царь персидскій и приняли за благо раздѣлить Армянскую землю между собою на 2 части“ (Фаустъ Византійскій) О. П. Асдуріанъ относитъ раздѣлъ къ 384 г., Любкеръ къ 415.

Расположенное съ приблизительной точностью въ предѣлахъ современнаго расселенія армянъ по Малой Азіи, армянское государство обнимало нынѣшнія Эриванскую губернію, Карскую область, Ванъ и Эрзерумъ. Граничило: на востокъ, черезъ Араксъ, съ Мидіей; на сѣверъ, черезъ Куру (Kuros), съ Албаніей (Ширванъ) и Иберіей, т. е. Грузіей; а, черезъ горный хребетъ Паріадръ, съ Колхидою и Понтомъ; на западъ, черезъ Евфратъ, съ Малою Арменією, которая часто входила въ составъ почти совершенно романизованной Каппадокіи; и на югъ, черезъ Тигръ, съ Ассиріей и Месопотаміей, житницами Парянской монархіи. Находясь, такимъ образомъ, въ сферѣ равнаго давленія двухъ великихъ державъ, Арменія, раздираемая къ тому же внутренними смутами, поочередно призывала себѣ на помощь то парянь, то римлянъ, и равно страдала отъ тѣхъ и другихъ, платясь то землями, то свободою.

Въ политической географіи древняго міра, Арменія имѣла несчастье занимать столь же злополучное и двусмысленное положеніе государства-буфера, брошеннаго между молотомъ и наковальней, въ какомъ съ XIII по XVI вѣкъ нашей эры пришлось маяться удѣльнымъ Литвѣ и Руси, стиснутымъ съ западнаго фронта нѣмцами, съ восточнаго монгольской ордою; а съ конца XVII по XIX вѣкъ — Польшѣ, расплюснутой тяготѣніемъ Россіи къ Европѣ. Арменія — клинъ, вбитый между собственными неотъемлемыми провинціями Рима или призрачно автономными княжествами подъ его властнымъ протекторатомъ и великимъ Парянскимъ шахствомъ.

Эти условія сдѣлали Арменію, въ глазахъ всего

античнаго міра, какъ бы ключомъ къ „восточному вопросу“, тревожному для древнихъ не менѣе, чѣмъ въ наши времена. Въ правленіе цезаря Нерона „восточный вопросъ“ повисъ надъ Римомъ воистину грозовою тучею. Армения, охваченная національною революціей, создала неурядицы, которыя поставили было на карту не только римское господство въ ней самой, но и всю азіатскую задачу Рима. Чтобы оцѣнить значеніе и силу этой неурядицы, необходимо предпослать разсказу о ней широкой исторической обзоръ римско-парѣянской борьбы до Нерона. И, прежде всего, опять съ вниманіемъ разсмотрѣть физическія условія военно-политическаго театра, ее осуществлявшаго.

Особенное расположеніе горъ и плоскогорій является причиною той странной особенности азіатскихъ рѣкъ, что онѣ — въ большинствѣ — не морскія, но континентальныя. То-есть впадаютъ не въ море, а изливаются во внутреннія озера или исчезаютъ въ пескахъ. Типическою и значительнѣйшею изъ азіатскихъ рѣкъ этой категоріи на театрѣ нашихъ событій является Киръ (Кура), протекающая на протяженіи 1180 километровъ. Надо, однако, замѣтить, что ни одна изъ подобныхъ безысходныхъ рѣкъ, какъ бы ни было серьезно ея мѣстное значеніе, никогда не пріобрѣтаетъ той политической важности, которая сопрягалась въ древности съ рѣками морскими, хотя бы второстепенными. Сопрягалась всюду, а, въ особенности, въ античной Азіи, столь бѣдной морскими рѣками. Выше мы видѣли, что рѣкою Галисъ греки условно дѣлили весь азіатскій міръ: до Галиса и за Галисомъ. Рѣка эта, вырываясь изъ послѣднихъ западныхъ предгорій Арменіи, дѣлаетъ длиннѣйшій путь и впадаетъ въ Эвксинъ,

успѣвъ коснуться въ самой южной своей части территории Мазакі, въ самой западной — Анкиры въ Галатіи, и, повернувъ двумя большими кривыми на востокъ, опредѣляетъ границы между Пафлагоніей и Понтомъ (Vincenzo Masi). Такимъ образомъ, она какъ будто создана для превращенія долинъ, по которымъ она протекаетъ, ею соединенныхъ, а горами разъединенныхъ, въ маленькія государства, расположенныя на значительномъ протяженіи и широкой площади, и — каждое въ отдѣльности — автономныя, но связанныя между собою общностью семейнаго, такъ сказать, сходства. А отсюда — и сходствомъ интересовъ и задачъ, и взаиморевностью къ возможности и средствамъ ихъ достиженія, завистью и всѣми страстями, которыми создаются братскія отношенія... Каина съ Авелемъ. И, дѣйствительно, политическая исторія античныхъ государствъ, опредѣлявшихся Галисомъ, въ высокой степени запечатлѣна однообразіемъ именно какъ бы общей семейной хроники. При всѣхъ ея ужасахъ, предательствахъ, убійствахъ и безобразіяхъ, нельзя не чувствовать, что и враги, и друзья здѣсь, и мирные, и немирные — одного поля ягоды. Лютый, обыкновенно очень кровавый, споръ ихъ — свой домашній споръ. Можетъ быть, потому такъ и свирѣпый, что ужъ очень домашній и между ужъ очень схожими людьми. Есть на этотъ счетъ кавказская пословица: „Они пили воду изъ одной рѣки“ — значитъ, люди одного закала, все равно, сходные, какъ бы ни встрѣтились, и въ дружбѣ, и во враждѣ. Люди Галатіи, Пафлагоніи, Понта, Малой Арменіи, съ ихъ страстями и ихъ политикою, — мы увидимъ, — оправдали эту пословицу, — точно она именно о нихъ была выдумана.

Взглянемъ теперь на другую водную силу Малой Арменіи, еще несравненно болѣе Галиса важную, такъ какъ, въ противность первой рѣкѣ, ея теченію предназначено было опредѣлять не маленькія государства, но великія имперіи, возникавшія на ней съ доисторическихъ временъ.

Рампою, у которой Арменіи суждено было играть мучительную и грозную роль свою, служила извилистая линія Евфрата — политической рѣки, стоившей античному міру, кажется, не меньшей крови, чѣмъ льетъ она воды. Значеніе Евфрата, какъ боевого рубежа между міромъ азіатскимъ, туранско-иранскимъ, и міромъ европейскимъ, греко-латинскимъ, было то же, что въ XIX вѣкѣ имѣлъ для Германіи и Франціи Рейнъ, а въ предшествующіе вѣка для мусульманъ-османовъ и христіанскихъ государствъ — Дунай: здѣсь была грань двухъ цивилизацій, соперничающихъ и враждующихъ.

Двѣ рѣки, образующія своимъ сліяніемъ Евфратъ, Кара Су и Мурадъ Су, въ древности Арзаній, — два потока, несущихъ бурныя воды свои по скаламъ доисторически охладѣвшей лавы. (Впрочемъ, по замѣчанію Йорка, Кара-Су — имя, придуманное географами; мѣстное населеніе оба потока зоветъ одинаковымъ именемъ — Мурадъ-Су.) Далѣе рѣка пролагаетъ себѣ путь черезъ предгорье армянскаго Тавра, точа мѣловые холмы передовыхъ его хребтовъ. На протяженіи 150 километровъ, она образуетъ 300 пороговъ и, мѣстами, русло ея сужается до 30 метровъ ширины. Она дѣлаетъ удивительные повороты, обвивая скалистыя высоты, увѣнчанныя развалинами. Послѣ ряда водопадовъ, долина впервые расширяется у Самсата, Евфратъ снова зарывается въ стѣны известковой породы, и, наконецъ,

передъ Береджикомъ (что и значить: дыра, выходъ) вырывается изъ горъ и — уже на всемъ пространствѣ до устья своего — становится судоходнымъ. Притоки, которые Евфратъ принимаетъ въ Месопотаміи, незначительны и маловодны до такой степени, что въ жаркое время года отъ большинства остается только сухое русло. Тигръ — рѣка того же типа, что Евфратъ: альпійская — до Моссула, ниже — судоходная (Charot).

„Самыя названія нашихъ рѣкъ, — говоритъ армянскій географъ о. Леонъ Алишанъ, — Араксъ, Тигръ, Чорохъ, — указываютъ на быстроту ихъ“. Плаваніе по Чороху отъ Артвина до Батума, внизъ по теченію, совершается въ 6—7 часовъ; обратно, отъ Батума до Артвина, этимъ путемъ никто не пользуется, потому что сопротивленіе теченія затягиваетъ его на 6—7 дней. Кто сообразить громадное количество снѣга, ежегодно выпадающаго въ Арменіи, и совершенно особенныя условія этой мѣстности, по которымъ большая часть выпавшаго снѣга, при наступленіи весны, сходитъ съ поразительной быстротой, тотъ легко пойметъ, что армянскія рѣки должны нести необычныя массы воды и текутъ, заполняя глубочайшія русла. Равнымъ образомъ, зная уклонъ почвы, высоту горъ и тѣснины, въ которыхъ бѣгутъ воды, легко понять огромное количество водопадовъ въ Арменіи. Тѣ, что на Араксѣ, въ нижней части его теченія, поистинѣ, грандіозны. Рѣка, сжатая исполинскими скалами и преодолевая развалины горы, раздробленной землетрясеніемъ, устремляется къ паденію, наполняя душу зрителя восторгомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. Арменія страна водопадовъ и стремнинъ, ни одна изъ главныхъ рѣкъ ея не избавлена отъ этого велико-

лѣпнаго зла. Извѣстнѣйшіе: только что упомянутый на нижнемъ теченіи Аракса (у горы Большой), на Чорохѣ, который путешественники не разъ сравнивали съ Ніагарою, и на Арадзани (Мурадъ - Су, Arsanias), восточномъ притокѣ Евфрата, — такъ называемый Куркуръ (Клокотунъ), близъ знаменитаго монастыря Іоанна Крестителя въ Мушѣ. (E. Vitto).

Такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ, рѣки Арменіи не только не пути сообщенія, но въ полномъ смыслѣ слова пути разобщенія, потому что — мало не судоходны — онѣ зачастую непереходимы. Впослѣдствіи это условіе вызвало то чудесное мостостроительство, которымъ Арменія славилась и гордилась настолько, что одинъ изъ армянскихъ трубадуровъ (ашуговъ) въ средніе вѣка даже клянется „мостами своей родины“. Борьба эллиновъ и римлянъ съ теченіемъ Аракса осталась въ стихахъ Виргилія и Стація. Первый зоветъ національную рѣку — „Араксъ, съ негодованіемъ отвергающій мосты“ (Pontem indignatus Agaxes); другой восхваляетъ временную удачу римскаго моста: „вотъ ужъ и Араксъ терпитъ латинскіе мосты“ (Patiens Latii jam pontes Agaxes). Семиарочный Пастуховъ мостъ (Чабанъ Кеопрусу) на Араксѣ окруженъ легендами и вошелъ въ поговорку въ Арменіи и сосѣднихъ странахъ.

Отсюда становится ясно, что Арменія — не только исполинскій замокъ-хранитель Азіи, съ неприступными стѣнами въ три, четыре и даже пять тысячъ метровъ вышины, но еще и окруженный природными рвами съ бурлящею водою. „Русла нашихъ рѣкъ весьма глубоки: крутые берега ихъ возвышаются нерѣдко на нѣсколько сотъ футовъ надъ ихъ черноватыми водами, вслѣдствіе чего многія рѣки носятъ названія черныхъ“ (О. Леонъ Али-

шанъ). Въ этихъ условіяхъ, вопросъ рѣчныхъ переправъ, естественно, долженъ былъ стать для Арменіи и сопряженныхъ съ нею странъ не только бытовымъ, коммерческимъ, стратегическимъ, но и политическимъ. Въ особенности же — вопросъ о переправахъ черезъ Евфратъ, въ которыхъ заинтересованы были не только мѣстныя Арменія и Каппадокія, но и Римъ за моремъ, и вся Азія, которую покрывалъ щитомъ своимъ парянской Арзакъ. Мы увидимъ, что объ эти силы, по очереди, для овладѣнія переправами на Евфратъ то создаютъ новыя царства, то упраздняютъ существующія, принуждаютъ къ переселенію цѣлыя народы, не говоря уже о сооруженіи крѣпостей и городовъ.

Въ настоящее время трудно сомнѣваться въ томъ, что между Римомъ и странами Дальняго Востока, Индіей и Китаемъ существовала оживленная торговля, унаслѣдованная отъ Египта, который и остался въ ней главнымъ посредникомъ. Русскій историкъ обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и римской имперіи, казанскій профессоръ М. Хвостовъ доказываетъ, что, въ результатъ вѣчныхъ политическихъ неурядицъ, свирѣпствовавшихъ въ Малой Азіи, торговыя сношенія Египта съ Индіей и Китаемъ велись по преимуществу морскимъ путемъ сперва чрезъ посредство южно-аравійскихъ княжествъ, потомъ непосредственно. Тѣмъ не менѣ — несмотря на оживленность морского сообщенія между Египтомъ и сосѣдними странами по Средиземному и Красному морямъ въ греко-римскую эпоху, — и сухопутныя дороги, ведшія въ Азію черезъ Суэцкій перешеекъ, также сохраняли важное значеніе. Потребность въ сухопутномъ сообщеніи была столь значительна, что эти дороги всегда имѣли громадное экономическое значеніе.

ческое оправданіе, и по нимъ во всѣ эпохи исторіи Египта двигались караваны. Потребность въ сухихъ путяхъ изъ Египта въ Азію вызвала вѣковую борьбу человѣка съ ужасною областью Суэцкаго перешейка и протянула черезъ него тракты, изъ которыхъ извѣстнѣе другихъ древнѣйшій путь, шедшій изъ Пелусія вдоль берега Средиземнаго моря. Дорога эта является наиболѣе естественнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ Египта съ Палестиной, Финикіей и Сиріей. Въ эпоху Персидскаго владычества этотъ путь былъ постояннымъ средствомъ сообщенія Великаго Царя съ подвластнымъ ему Египтомъ. Здѣсь двигались войска Камбиза и другихъ персидскихъ царей. Здѣсь же прошелъ своимъ побѣдоноснымъ походомъ Александръ Македонскій. Конечно, столь древній путь не могъ быть заброшенъ въ греко-римскую эпоху, когда торговыя сношенія Египта съ Азіей стали интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо. И, дѣйствительно, мы имѣемъ извѣстія о Пелусійскомъ трактѣ отъ II вѣка по Р. Х. (Кл. Птолемей, Итинерарій Антонина). Дорога эта смыкала Египетъ, а, слѣдовательно, въ эпоху поздней римской республики и имперіи, также Италію, съ сѣтью путей, ведшихъ въ Малую Азію, въ области Передней Азіи, въ Западный Китай черезъ Бактрію, въ сѣверо-западную Индію. Другой египетско-азіатскій трактъ, шедшій южнѣе (Вавилонъ Египетскій, т. е. старый Каиръ — Героополь — Серапій — Клисма), помимо самостоятельнаго значенія, игралъ важную роль, какъ соединитель только что описаннаго Пелусійскаго пути съ такимъ важнымъ торговымъ пунктомъ, какъ Петра, столица сѣверно-арабскаго Набатейскаго царства. Оно достигло политическаго и экономическаго могущества какъ разъ въ эллинистическій періодъ

и, кажется, обязано своимъ происхожденіемъ именно движенію съ Евфрата. Набатеи въ этой части Аравіи замѣстили древнихъ обитателей ея, эдомитовъ, вытѣснивъ отсюда, по крайней мѣрѣ, ихъ имя, такъ какъ, въ дѣйствительности, кажется, основное древнее населеніе края не измѣнилось. Весьма правдоподобно, что эти набатеи были не иные кто, какъ арамейцы — нѣсколько племенъ древнѣйшаго приевфратскаго населенія по нижнему теченію этой рѣки. Подобно тому, какъ они возобладали мало-по-малу надъ древними прирожденными туземцами Халдеи, такъ точно навязали они и эдомитамъ свое имя, а, можетъ быть, и династію. Извѣстно, что арамейскій языкъ держался здѣсь до христіанской эры. Въ эту эпоху царство набатеевъ простиралось на западную часть Аравійскаго полуострова вдоль Краснаго моря до Лейкоме (нынѣ Hawara) и внутрь страны до города Таема (Таема), служившаго станціей на торговомъ пути отъ Петры къ Персидскому заливу. Но на сѣверъ Набатейское царство выступило за предѣлы Аравіи и достигло области Дамаска, включая и самый Дамаскъ. (Masi.) Изъ Петры шли пути на сѣверо-западъ къ Средиземному морю въ Ринокоруру и Газу, на сѣверъ — въ Иерусалимъ и Иерихонъ и, далѣе, въ важный торговый центръ Передней Азіи — Пальмиру, торговья сношенія которой достигали Индіи. На востокъ караванная дорога вела въ Вавилонъ и Форатъ, вѣроятно, стоявшіе въ торговой связи съ Индіей. На юго-востокъ путь шель въ Герру на Персидскомъ заливѣ (см. выше) и на югъ — въ южную Аравію, къ гаванямъ Краснаго моря. Такимъ образомъ, — заключаетъ проф. Хвостовъ, — не только сообщеніе по Средиземному и Красному морямъ ставило Египеть

въ связь съ Сиріей и Аравіей, а чрезъ посредство этихъ странъ съ остальной культурной Азіей, — но и сухопутныя дороги поддерживали эту связь.

Конкуренція малоазіатскихъ сухопутныхъ сообщеній съ морскими поставила западно-азіатскія государства въ соперничество съ Египтомъ за посредническую роль между рынками Европы и Дальней Азіи. Чѣмъ успѣшнѣе были торговыя сношенія съ Китаемъ и Индіей чрезъ Западную и Центральную Азію, тѣмъ менѣе пользовался выгодами этой торговли Египеть. И, наоборотъ, чѣмъ хуже шли торговыя дѣла въ Азіи, тѣмъ выгоднѣе отражалось это на египетской торговлѣ. Дѣло въ томъ, что въ сухопутной торговлѣ съ Индіей Египеть не могъ конкурировать съ финикійскимъ, сирійскимъ и мало-азійскимъ побережьемъ: индійскіе товары, шедшіе сухимъ путемъ, было гораздо удобнѣе и дешевле развозить по гаванямъ Средиземнаго моря непосредственно изъ Сиріи, Финикіи и М. Азіи, чѣмъ везти еще предварительно въ Александрію. По соображеніямъ большинства изслѣдователей, основаннымъ на греческихъ (преимущественно — Кл. Птолемей) и китайскихъ источникахъ, торговые пути изъ Китая на западъ шли чрезъ бассейнъ Тарима въ Бактрію, откуда товары поставлялись къ берегамъ Чернаго и Средиземнаго моря. Что же касается путей на западъ изъ Индіи, то главнѣйшіе изъ нихъ шли изъ долины Инда и Пенджаба въ Бактрію, а оттуда въ Мидію; отсюда товары расходились въ разныя стороны.

По поводу этого пути Винченцо Мази дѣлаетъ любопытное замѣчаніе. Важность его, повидимому, дѣлала его, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ бы длиннымъ государствомъ въ государствѣ. Официально принадлежа пароянамъ или на-

ходясь въ сферѣ ихъ захватныхъ претензій, фактически онъ, на весьма значительныхъ протяженіяхъ, находился въ рукахъ народцевъ, осѣдлыхъ въ горныхъ мѣстностяхъ, которыя онъ прорѣзалъ. Народцы эти — на примѣръ, элимеи, коссіеи и паратацены — обитая въ мѣстностяхъ неплодородныхъ, кормились почти исключительно разбоемъ на индійскомъ торговомъ пути, пролегавшемъ чрезъ смежную съ ихъ областью Сузіану. Конечно, разбой ихъ заключался не столько въ грабежъ каравановъ, сколько во взиманіи „отступного“, чтобы не грабить. Живя въ неприступныхъ горныхъ гнѣздахъ, эти хищники управлялись собственными князьками, дружина которыхъ славилась свойственною всѣмъ подобнымъ горскимъ племенамъ, мастерскою стрѣльбою изъ лука.

Могли доставляться товары также моремъ къ устьямъ Евфрата и Тигра, затѣмъ рѣчнымъ путемъ до Вавилона (позднѣе — до Селевкии), откуда, черезъ пустыню товары шли къ Сирійскимъ гаванямъ (этому пути обязанъ своимъ процвѣтаніемъ Пальмирскій оазисъ). Существовали также караванныя дороги изъ долины Инда къ Тигру и Евфрату. Мы видѣли выше, что устья Тигра и Евфрата были связаны и съ Египтомъ дорогой черезъ Петру. Эллинизация Азіи преемниками Александра Великаго и двухсотлѣтнее существованіе имперіи Селевкидовъ усыпали Азію множествомъ греческихъ городовъ, раскинувшихъ торговую сѣть вплоть до Бактріи, Паропамиза (Гиндукуша) и Пенджаба. Заботы о путяхъ въ Индію, гдѣ въ ту же самую эпоху также шла объединительная политическая работа династіи Маурья, прилагались Селевкидами весьма усердно. Въ поискахъ кратчайшихъ разстояній, они посылали изыскателей даже на Яксартъ, т. е. Сыръ-Дарью (экспедиція Демодана Ми-

летскаго). Стремленія Селевкидовъ къ обезпеченію своихъ индійскихъ путей обусловливались, кромѣ торговыхъ цѣлей, также и важнымъ стратегическимъ соображеніемъ. Индія была главною поставщицею ихъ живой артиллеріи: слоновъ. Намъ, привыкшимъ видѣть въ слонѣ только обязательнаго гостя европейскихъ звѣринцевъ, трудно представить времена, когда право держать этихъ животныхъ было предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, обусловливалось мирными трактатами, не говоря уже о чисто военной ихъ роли. Въ войнахъ эллинистическихъ государствъ слоны имѣли громадное значеніе, при чемъ индійскіе слоны цѣнились особенно высоко. Когда Римъ враждебно и побѣдоносно столкнулся съ усталою имперіей Селевкидовъ, онъ поспѣшилъ лишить ихъ права имѣть при войскѣ индійскихъ слоновъ (162 г. до Р. Х.). Это, для древняго міра, было равносильно тому, какъ если бы современное государство получило запретъ совершенствовать свою артиллерію и заказывать пушки превосходной системы. Впослѣдствіи, въ парянскихъ войнахъ, римляне опять повстрѣчались съ этими страшными четвероногими врагами, съ которыми впервые ознакомилъ ихъ въ самой Италіи Пирръ, царь Эпира, и которыхъ они — едва ли не первые — выучились не бояться и побѣждать.

Царство Селевкидовъ соприкасалось съ индійскимъ царствомъ непосредственно или почти что непосредственно. Но первыя волны будущаго великаго переселенія народовъ взбудоражили Среднюю Азію, и передвиженіе ихъ вызвало на сѣверо-восточныхъ окраинахъ царства Селевкидовъ перемѣщеніе осѣдлыхъ тамъ племень къ югу, а на югѣ національную самозащиту, вооруженную національнымъ же самоопре-

дѣленіемъ. Имперія Селевкидовъ, въ процессѣ этомъ, развалилась, мѣсто ея заняло великое парѣянское царство, а греко-романскій міръ, такимъ образомъ, оказался отрѣзаннымъ отъ Дальняго Востока на сотни лѣтъ. Это очень быстрое движеніе. Уже въ половинѣ II вѣка до Р. Х. парѣяне захватили всю Мидію, Сузіану, Персію, а затѣмъ Вавилонію. Въ началѣ I в. до Р. Х. парѣяне заняли почти всю Месопотамію. Въ томъ же вѣкѣ они захватили Восточную Аравію. Такимъ образомъ, большая часть торговыхъ путей на Востокъ попала въ ихъ руки. Въ I в. по Р. Х. авторъ „Перипла“ считаетъ долину Инда принадлежащей парѣянскимъ царямъ. (См. выше.) Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ греко-римскій міръ сталъ искать другихъ путей для удовлетворенія своей все возрастающей потребности въ китайскихъ и индійскихъ товарахъ. Однако, пути эти — по Индійскому океану и Красному морю — если и были найдены, то не могли удовлетворить спроса соответственнымъ предложеніемъ. Затрудненія, которыя торговля съ Востокомъ черезъ азіатскій материкъ стала встрѣчать со второй половины II в. до Р. Х., отнюдь не повели къ ея полной гибели. Громадный рынокъ, создавшійся въ Римскомъ государствѣ какъ разъ въ это затруднительное для азіатской торговли время, былъ настолько притягателенъ, что торговый обмѣнъ преодолѣвалъ всѣ встрѣчавшіяся на пути препятствія и пробивался по каждому сколько-нибудь пригодному пути. Китайскія лѣтописи сохранили извѣстія объ энергичной охранѣ путей сообщенія западнаго направленія и двигавшихся по нимъ каравановъ, изъ которыхъ первый выступилъ въ 114 г. до Р. Х., а послѣдующіе шли, повидимому, ежемѣсячно. Они

двигались черезъ Бактрію и Парөію. Стремленіе Средиземнаго рынка навстрѣчу дальневосточному было еще несравненно энергичнѣе, уже потому, что, если предложеніе Индіи и Китая посылало своимъ представителемъ на Западъ мирнаго купца, то спросъ Рима двинулъ на Востокъ и купца-конквистадора. Узловые пункты малоазіатскихъ путей получаютъ въ римскую эпоху особое важное значеніе и стремительное развитіе. Примѣромъ можетъ служить, какъ уже упоминалось выше, пресловутая Пальмира, библейскій Тадморъ, узловая станція для торговыхъ путей на юго-западъ въ Петру и въ Дамаскъ, на юго-востокъ — къ Персидскому заливу, на востокъ — къ Евфрату и на западъ — къ главнѣйшимъ городамъ Сиріи. Это положеніе, по свидѣтельству Плинія Старшаго, сдѣлало Пальмиру яблокомъ раздора между парөянами и римлянами, и ее грабили то тѣ, то другіе, что не умаляло живучести могучаго города, и онъ росъ да росъ въ великолѣпномъ своемъ оазисѣ, пока не выросъ къ III вѣку по Р. Х. въ настоящую, хотя и кратковременную, имперію. Найденныя въ развалинахъ Пальмиры надписи особенно ясно говорятъ о караванной торговлѣ съ Вологезіей, Форатомъ и Спасину Хараксомъ, т. е. съ городами, расположенными на торговомъ пути, шедшемъ въ Восточную Аравію и Индію по Евфрату и Персидскому заливу. Примѣромъ того, какъ пристань способна вырасти въ царство, можетъ служить основанный Александромъ Великимъ въ устьяхъ Паситигра (Шать-эль-Араба), только что названный городъ Хараксъ, который движеніе эллино-азіатскаго обмѣна, двѣсти лѣтъ спустя, сдѣлало столицею Мезенско-Хараценскаго царства, просуществовавшаго три съ половиною вѣка — столько же, сколько держалось

могущество пареянъ, его покровителей (127 до Р. Х.—227 по Р. Х.).

Страбонъ довольно подробно описываетъ намъ торговый путь и условія торговли между Сиріей, съ одной стороны, и Селевкіей и Вавилономъ — съ другой. Однако изъ его разсказа мы какъ разъ видимъ, насколько — и въ этой сторонѣ — затруднительна была торговля въ Пареянскомъ царствѣ: купцамъ приходилось искать защиты (очевидно, отъ разбойниковъ) у мѣстныхъ жителей; они находили эту защиту исключительно у кочевого населенія пустыни, расположенной между Тигромъ и Евфратомъ. Кочевники брали съ купцовъ умѣренныя пошлины. Напротивъ, болѣе удобнаго пути по берегамъ рѣкъ приходилось избѣгать, потому что здѣсь было множество мелкихъ властителей, преслѣдовавшихъ исключительно свои выгоды и взимавшихъ съ купцовъ несоразмѣрно высокія пошлины. Эта конкуренція таможеннаго грабежа, опиравшаяся на необходимости для каравановъ не только въ мостѣ или бродѣ черезъ рѣку, но и въ водопоѣ, была настолько безсовѣстна со стороны шейховъ, державшихъ заставы на прирѣчныхъ путяхъ, и тяжела для путешественниковъ, что вызвала прелюбопытную обходную конкуренцію народовъ, согласныхъ довольствоваться меньшими прибылями, въ видѣ степной торговли водою. „Черезъ область Скенитовъ проходитъ путь изъ Сиріи въ Селевкію и Вавилонію. Совершающіе этотъ путь переходятъ Евфратъ у Анѳемусіи, мѣстность Месопотаміи. Отъ перехода черезъ рѣку до Скеновъ считается двадцать пять дней пути. Тамошніе жители ѣздятъ на верблюдахъ, имѣютъ остановки для отдыха, однѣ съ готовымъ запасомъ воды, большею частью, въ ци-

стернахъ, другія пользуются водой, доставляемою туда изъ другихъ мѣстъ. Скениты не нарушаютъ ихъ мира, не обременяютъ податями; благодаря этому, они проходятъ черезъ пустыни, оставляя вправо отъ себя рѣчку на разстояніи почти трехъ дней пути“. Исидоръ Хараценскій, бывший, вѣроятно, современникомъ Страбона, оставилъ намъ описаніе дорогъ въ Парѣи, служившихъ, судя по ихъ направленію, торговыми путями. Это — путь отъ города Зевгмы на Евфратѣ до города Селевкии на Тигрѣ и отъ этой послѣдней къ Экбатанѣ (нынѣшній Гамаданъ въ Персіи), Рагамъ (развалины Рей, недалеко отъ Тегерана), а оттуда — черезъ Гирканію (Мазандеранъ), Парѣю (Хорасанъ), Маргіану (область р. Мургаба), Аріану (область Герата) и Дрангіану (Сеистанъ, пріозерная область Хамунъ-и-Саверонъ) къ Александріи въ Арахозіи (Кандагаръ и восточная часть Кабула), гдѣ — предполагается — кончалось Парѣянское государство. Въ эпоху Помпея индійскіе товары шли изъ Индіи въ Бактрію, отсюда — къ Каспійскому морю, а далѣе — по Курѣ и Фазису — къ Черному морю. Посредниками въ индійской торговлѣ черезъ Кавказъ въ эпоху Страбона было кавказское племя аорсовъ, получавшее индійскіе товары чрезъ посредство армянъ и мидянъ.

Такимъ образомъ, вотъ приходимъ мы, наконецъ, и къ Арменіи, въ качествѣ этапа великаго римско-индійскаго обмѣна, при чемъ значеніе это она получила, повидимому, очень давно. Зиновій Сирійскій, описатель путешествія въ 304 году по Р. Х. св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, нашель въ Арменіи индійскій поселокъ, основаніе котораго относили ко II вѣку до Р. Х. Одна изъ знаменитѣйшихъ историческихъ армянскихъ фамилій, восходящая

къ I вѣку до Р. Х., Мамиконьяны — политическіе выходцы изъ Китая: сторонники династіи Дженъ, бѣжавшіе отъ побѣды Тзиновъ. (Монахъ Іакинѣъ, кн. Михаилъ Ханъ-Туманіанъ¹.) Черезъ Арменію получала изъ Индіи Малая Азія янтарь (Плиній) и кардамонъ (Діоскоридъ).

Но, конечно, не къ янтарю и кардамону сводилась роль Арменіи на малоазіатскомъ рынкѣ, а къ тому условію первой важности, что, будучи страной горною и воинственною, она, съ высотъ своихъ, висѣла надъ рынкомъ этимъ вѣчною угрозою и, — подобно средневѣковому барону въ укрѣпленной башнѣ на скалѣ надъ долиною, — могла давать рынку этому, по своему произволу, миръ и охрану или войну и разореніе. Жители Месопотаміи, — говоритъ Страбонъ, — терпятъ отъ „армянъ, которые живутъ выше ихъ и, опираясь на силу, производятъ на нихъ давленіе. Вообще они, большею частью, состоятъ подъ властью армянъ или парянъ, потому что и эти послѣдніе, обладая Мидіей и Вавилоніей, находятся по сосѣдству съ ними“.

Этому своему положенію природной цитадели Арменія была обязана тою необычайною эластичностью, съ которою она, въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ римско-парянскаго своего періода, была одинаково способна то раскинуться на весь полуостровъ малоазіатскою имперіей Тиграна Великаго, то сжаться въ горномъ гнѣздѣ своемъ до предѣловъ вассальнаго княжества. Этимъ же положеніемъ объясняется,

¹ Второй изъ названныхъ писателей, основываясь на старинномъ „Собраніи свѣдѣній“ перваго, старается доказать, что, несмотря на свое китайское происхожденіе, Мамиконьяны были не монголы, но арійцы. „*Riv. d. st. orient.*“ замѣчаетъ, что, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи, быть можетъ, удалось бы вывести родъ Мамиконьяновъ изъ Индіи. (1911.)

что тенденція распространенія армянъ всегда устремлялась на югъ и западъ, при чемъ за Месопотамію случалось имъ драться не на животь, а на смерть даже со своими пріятелями пареянами, не говоря уже объ открытой и вполнѣ естественной ненависти, которую встрѣчали они западныя нашествія, хотя одно изъ нихъ и дало имъ самостоятельную государственную жизнь. Этимъ же положеніемъ объясняется, что, какъ бы сильно ни развивалась Арменія, она никогда не въ силахъ была отдѣлаться отъ связи съ Ираномъ, отъ его культурнаго и политическаго преобладанія, связывавшаго руки армянскому народу, черезъ слабость юго-восточной армянской границы. И единственнымъ утѣшеніемъ для армянъ могло быть въ этомъ случаѣ только то обстоятельство, что страдали обѣ стороны, при чемъ еще неизвѣстно, кто больше. „Здѣсь иранская горная область не обрывается круто, становясь равниной, но переходитъ въ горную мѣстность Арменіи; послѣдняя, въ свою очередь, находится въ тѣсной связи съ мало-азіатской и кавказской горной системой. Здѣсь отсутствуетъ какая бы то ни было естественная граница; кромѣ того армянскій народъ, который образовался изъ весьма разнообразныхъ первоначально элементовъ, подъ вліяніемъ арійскаго воинственнаго племени, правда, добровольно принялъ иранскую культуру, но сумѣлъ сохранить свою особенность и свой языкъ; а на югѣ Кавказа гнѣздилися цѣлый рядъ свободолюбивыхъ и воинственныхъ народцевъ, о продолжительномъ подчиненіи которыхъ врядъ ли можно было мечтать. Такимъ образомъ, Арменія и вмѣстѣ съ нею южно-кавказскія государства, изъ которыхъ самымъ значительнымъ была Иберія, являлись то самостоятельнымъ или только номинально

зависимымъ буфернымъ государствомъ, то яблокомъ раздора между Римомъ и Персидской имперіей. Одинъ разъ, прежде чѣмъ римское завоеваніе окончило свою работу, Армения даже заняла положеніе великой державы, но, конечно, скоро была окончательно низвергнута изъ этого состоянія. Особенныя причины заставили персовъ обращать свое вниманіе на ряду съ Арменией также и на кавказскія обстоятельства. Въдѣ не только Хорасанъ былъ мѣстомъ вторженія азіатскихъ кочевниковъ, но и черезъ кавказскіе проходы переливались иногда волны переполненнаго волшебнаго котла и грозили сердцу иранскаго государства“. (Момсенъ.)

Устройство армянскаго государства, въ моментъ несомнѣнно самостоятельнаго появленія его на исторической сценѣ, было такое.

Царь самодержецъ, неограниченный деспотъ. Всѣ его повелѣнія — законы, а кромѣ него въ странѣ нѣтъ иной законодательной власти. Каковъ бы ни былъ произволь монарха, прихоть его должна быть исполнена, даже если рѣчь идетъ о совершенно чудовищномъ преступленіи. Въ до-христіанскую пору цари рѣжутъ своихъ ближайшихъ кровныхъ, въ христіанскую — святыхъ и епископовъ руками своихъ подданныхъ, изъ которыхъ даже благороднѣйшіе не помышляютъ о возможности отказаться отъ свирѣпаго повелѣнія: царскій санъ все покрываетъ и извиняетъ. Иногда подобныя убійства обращались даже не на личность, а на семью, племя, цѣлый народъ, — все равно, они исполнялись безпрекословно. Палачомъ по царской волѣ приходилось бывать даже великому народному герою Вардану Мамиконяну.

Царство армянское разбито было на провинціи уже самую природою, растянувшюю по Армении горные

хребты, какъ естественныя границы областей. Управлялись они почти самостоятельными наслѣдственными сатрапами, которые имѣли два названія: нахараръ (пахалал) и танутеръ (tanuter). Первое — титуль его, какъ царскаго чиновника и намѣстника, второе обозначаетъ въ немъ „главу племени“. Этотъ чиновникъ-князекъ обязанъ царю данью и военною службою, подобно европейскимъ феодаламъ въ средніе вѣка, съ тою разницею, что въ Арменіи не была въ употребленіи присяга на вѣрность царю. Исторія горныхъ леновъ, конечно, кипѣла измѣнами, но особа царя почиталась настолько священной, что крайне рѣдки въ ней попытки освободиться отъ слишкомъ тираническаго государя насильственнымъ путемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда это бывало, дѣйствовали, обыкновенно, не армяне. Въ Арменіи нѣтъ ничего подобнаго непрерывнымъ заговорамъ, наполняющимъ исторію Ассиріи, Персіи и вообще восточныхъ народовъ. Изъ немногочисленныхъ фактовъ такого рода можно указать низверженіе послѣдняго арзацида, Артакса III въ 428 г. по Р. Х., и гибель Артакса II Артаксіата въ 20 г. до Р. Х.

Знать раздѣлялась на двѣ категоріи по степени вхожести своей ко двору. Была при дворѣ огромная зала, окруженная диваномъ, на которомъ разложены были въ опредѣленномъ порядкѣ подушки (bartz). Подушки эти указывали мѣста нахараровъ и символизировали ихъ придворное, свитское званіе, — право возлежать при государѣ. Всѣхъ подушекъ было 900. Большая или меньшая близость ихъ къ царевой подушкѣ была вопросомъ важнымъ. На ней строилось армянское мѣстничество. Если подушка исчезала съ обычнаго мѣста, это значило, что имярекъ въ немилости. Иногда царь перемѣщалъ своихъ подушечниковъ: одного, въ награду,

приближалъ, другого усымалъ въ дальній уголь. Всѣ эти знатные господа звались „служителями царя“ (tsara arkai), по обычаю, заимствованному у персовъ. Четверо изъ нихъ — „сахманапахи“ (Sahmanarah), охранители границы — были какъ бы вице-королями. Главнымъ въ ихъ числѣ почитался тотъ, который владѣлъ Ардзникомъ, провинціей по горному хребту Тавру, между Гордіеною и Софеною; затѣмъ — софенскій; затѣмъ — гордіенскій (Курдукъ); четвертымъ шель хранитель Гугарка, сѣверной границы, обращенной въ сторону Грузіи и тянувшейся въ юго-восточномъ направленіи по долину Куры. Неизвѣстно, кто и когда установилъ эту іерархію, но она дошла до христіанскихъ вѣковъ Арменіи и всѣ безъ исключенія народные историки о ней упоминаютъ.

Дворъ существовалъ доходами двоякаго рода. Во-первыхъ, корона владѣла громадными имѣніями, иногда цѣлыми областями. Такъ, огромный округъ Араратскій принадлежалъ царской фамиліи Арзацидовъ (Аршакуни) и управлялся въ порядкѣ частнаго владѣнія, безъ нахарара. Подобные, хотя меньшіе, удѣлы царь имѣлъ во всѣхъ провинціяхъ. Управляло ими особое вѣдомство, подъ начальствомъ министра двора, мартпета (человѣконачальника). Вторымъ источникомъ были налоги (has, mut, sak) и таможенные пошлины (baz). Какого содержанія были первые три налога и сколько давали они армянской казнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Монеты армянскихъ царей дошли до насъ, начиная съ Тиграна Великаго. До царицы Эрато всѣ онѣ съ портретами и сопровождаются надписями на греческомъ языкѣ.

Государственныя преступленія въ армянскомъ царствѣ преслѣдовались неутомимо. Каждый царскій

замокъ (въ особенности же цитадель Артаксаты) былъ своеобразною Бастиліей, съ безчисленными каменными мѣшками (oubliettes), по-армянски вирап (virap), въ которыхъ томились осужденные (maharap — повинный смерти). Казни производились публично, на лобномъ мѣстѣ (kaharapap) заплечными мастерами (dahitch), организованными, какъ сословіе, и имѣвшими своего старосту. Казни, въ особенности по политическимъ дѣламъ, были ужасны, и предшествовали имъ такія пытки и надругательства надъ человѣкомъ, что противно повторяя отвратительныя подробности ихъ, сообщаемыя Моисеемъ Хоренскимъ или Фаустомъ Византійскимъ...

Уголовныя и гражданскія преступленія, повидимому, преслѣдовались въ порядкѣ спеціальнаго судопроизводства по обычному праву, и царь въ это дѣло не вмѣшивался. Кажется, въ старину существовали въ Арменіи такъ называемые города убѣжищъ, куда, укрывшись, преступникъ могъ жить безнаказанно. Однако, прогрессъ государства рано вытѣснилъ подобные притоны. Въ IV вѣкѣ по Р. Х. одинъ изъ царей Аршагъ II, попробовалъ воскресить этотъ обычай, — какъ можно судить, изъ жалости къ несостоятельнымъ должникамъ, которыхъ жестоко истязали ростовщики. Но проектъ Аршага вызвалъ всеобщее негодованіе, какъ опытъ созданія нѣкой разбойничьей республики.

Во главѣ царскаго двора въ Арменіи стоялъ, какъ и въ Персіи, „тысяцкой“ (хазарапетъ; по-гречески хилархъ). Но въ Персіи онъ — визирь и, прежде всего, министръ внутреннихъ дѣлъ, а въ Арменіи — министръ финансовъ и земледѣлія. Труднѣйшее армянское названіе его ascharhachen (усовершенствователь страны) греки перевели „эпитропомъ“ и „эко-

номомъ“. Затѣмъ слѣдоваль спарапетъ, фельдмаршалъ, „архистратигъ“, фактическій командиръ арміи. Царь объявлялъ войну, но никогда не принималъ въ ней главной команды. Третьимъ великимъ сановникомъ армянскаго двора былъ тагадиръ-аспетъ (всадникъ, короно-возлагатель), вѣнчавшій царя при восшествіи его на престолъ царскою тиарою. Со времени Артакса I эта почетная должность наследственно принадлежала фамиліи Багратуни. Это, по всей вѣроятности, было остаткомъ какой-то старой еократической традиціи. Багратуни, къ слову замѣтить, считались выходцами изъ Месопотаміи и еврейскаго происхожденія. Обычай былъ настолько важенъ въ народномъ мнѣніи, что отказъ рода Багратуни отъ участія въ коронаціи обращалъ короля въ узурпатора. Моисей Хоренскій упоминаетъ о такомъ случаѣ, рассказывая исторію миѣческаго Эруанда. Въ дѣйствительности же, эпизодъ этотъ относится къ эпохѣ борьбы между несчастнымъ Митридатомъ и Радамистомъ Иберійскими (51 по Р. Х.). Далѣе слѣдуетъ мартпетутюнъ (martpetutjun) или хайрмартпетъ (hajrmartpet), „отецъ начальника мужей“: министръ государственныхъ имуществъ, общественныхъ сооружений, хранитель царевой сокровищницы и смотритель гарема. По этой послѣдней своей должности онъ, конечно, былъ евнухомъ (nelkini).. Затѣмъ былъ какой-то важный сановникъ (marxazutjun), функции котораго неизвѣстны и самое имя не переведено и не истолковано: кажется, что-то въ родѣ градоначальника, но, вмѣстѣ, и по дипломатической части, такъ какъ обязательно участвовалъ въ государевыхъ посольствахъ, можетъ быть, впрочемъ, въ родѣ пристава... Подъ этими главными стояла цѣлая куча спальниковъ, одѣвальщиковъ, тѣлохранителей, смотрителей

движимости. Одинъ носилъ орла предъ монархомъ при его выходахъ (отсюда фамилія Арцруни), другой завѣдовалъ дровянымъ дворомъ, этотъ — великій сокольничій, тотъ — егермейстеръ или шталмейстеръ... Жизнь двора подчинена была мелочно выработанному этикету. Царь самъ сочинялъ церемоніалы: тогда-то — представленія, тогда-то — свѣтъ, тогда-то — развлеченія. Двѣ замѣчательныя должности: два человѣка изъ высшей аристократіи обязаны были властью — одинъ — напоминать царю о нетерпящихъ отлагательства дѣлахъ и представлять объ отмѣнѣ повелѣній, данныхъ неодуманно въ порывѣ гнѣва; другой — наоборотъ — напоминать его величеству о поступкахъ противъ него, требующихъ отмщенія. Судъ въ царское время былъ троякій: дворцовый, городской и мѣстечковый. Цари высоко ставили городскую культуру и требовали, чтобы деревенскіе мужики уважали горожанина, какъ человѣка изъ высшаго сословія, а горожанамъ предписывали не зазнаваться и жить съ меньшимъ братомъ по-божески. Во избѣжаніе семейныхъ ссоръ, изъ дѣтей царя оставался при немъ только старшій сынъ, предполагаемый наследникъ. Остальныя дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, воспитывались на счетъ дворцоваго вѣдомства, вдали отъ царской резиденціи.

Вся посуда при дворѣ была изъ золота и серебра. Царь носилъ тиару, одѣвался въ длинную тунику и пурпурный плащъ. Пурпурнаго цвѣта былъ также громадный военный шатеръ его, разбиваемый на нѣсколько покоевъ и увѣнчанный орломъ. Сапоги онъ носилъ тоже пурпурные — и одинъ во всемъ государствѣ имѣлъ право носить ихъ. Если царь хотѣлъ дать высшую награду какому-либо лю-

бимцу своему, онъ жаловалъ ему право обувать въ пурпуръ одну ногу. На свадьбахъ царскихъ царя осыпали золотою пылью, а царицу — жемчугомъ... (См. ниже былину объ Арташесѣ и Сатиникѣ.)

Армія доходила среднимъ числомъ до 120 000 человекъ. Каждый нахараръ велъ свой отрядъ подъ личною своею командою. Армяне, когда надо — пѣхотинцы, когда надо — кавалеристы, были недурные солдаты, но неустойчивые, и, кажется, нападали лучше, чѣмъ защищались. Кромѣ арміи, мобилизуемой на военный случай, царь держалъ нѣчто въ родѣ гвардейскихъ полковъ, съ которыми проводилъ лѣто — на лагерномъ положеніи — въ мѣстности, называемой Шахапиванъ (мѣсто лѣтняго пребыванія сатраповъ) — близъ истоковъ восточнаго Евфрата (въ окрестностяхъ Діадина, у Баязета.)

Каждый знатный баринъ владѣлъ одною или нѣсколькими крѣпостями, защищавшими замки, тонувшіе въ садахъ. Защищали свои владѣнія они, однако, плохо. Разбитіе царскаго войска какимъ-либо вражескимъ нашествіемъ всегда было сигналомъ къ паденію и сеньёрскихъ замковъ, спѣшившихъ сдаваться на милость побѣдителей, въ расчетѣ откупиться отъ грабежа до тла четвертью, третью или хотя половиною имущества.

Мы почти ничего не знаемъ о частномъ бытѣ древнихъ армянъ. Народа въ лѣтописяхъ какъ бы не существуетъ (Dolens et Khatch)¹.

¹ Въ транскрипціи армянскихъ словъ я, большею частію, придерживаюсь той, которую эти два ученые приняли въ трудѣ своемъ — „Histoire des anciens arméniens“. Genève. 1907. Publié par l'Union des Etudiants Arméniens de l'Europe. См. Дополненія.

[О Г. А. ДЖАНШИЕВЕ]

*«Он был человеком света, светоносцем»**

/.../ Мне жаль вспомнить, что когда-то, ради красного словца, я обидел этого прекрасного человека. Он, возвратясь из Швейцарии, описал тамошние суды, посвятив благоустройству их гимн в обычном ему восторженно-приподнятом тоне стихотворения в прозе. Фельетон этот попался мне под руку в недобрый час; мне показалось смешным, что Джаншиев воспевает, как влюбленная старая дева, двери, половики и скамейки женевского суда, и я напечатал по этому поводу что-то очень резкое. Напечатал и пожалел, но было уже поздно. А от Джаншиева, в то время почти совсем со мною незнакомого, я получил довольно длинное письмо, где эта голубиная душа без всякой злости говорила, что не понимает, зачем мне понадобилось осмеять его. «Думаю, что это не ваше убеждение обо мне, что вы не верите, будто я таков, как вы написали, и когда-нибудь сами пожалеете, что так написали». Я до сих пор не могу себе простить, что по ложному стыду и лени оставил это хорошее письмо без ответа. А Григорий Аветович был прав: я раскаялся в напечатанной о нем статье даже не «когда-нибудь», а тогда же, двенадцать лет назад, и с крайним неудовольствием вспоминаю об этой статейке «назло» даже и теперь.

Довольно много писем от Джаншиева я получил, и несколько раз был он у меня, когда армянская резня в Малой Азии и Константинополе сделала его центром русской помощи пострадавшим армя-

* По кн.: **Амфитеатров А.** Собр. соч. Том 35. Свет и сила. Петроград. Просвещение. 1915.

нам. Помню – ранним утром маленький, горбатенький, с ласковой и болезненной улыбкою, но непреклонно-настойчивый взобрался он на четвертый этаж суворинского дома в Эртелевом переулке, где я тогда жил, поднял меня с постели и принялся жаловаться на подозрительное отношение «Нового времени» к армянам.

– Григорий Аветович! Да я-то тут при чем же? Ведь вы, если следите за газетою, знаете, что я армян не трогаю, а если хотите знать больше, то и остаюсь в армянском вопросе при совершенно особом мнении. Я был в Константинополе вскоре после резни, виделся с Нелидовым, с Максимовым и вынес на этот счет совсем не те впечатления, как «Русский странник»...

– Я потому и пришел к вам, что вы при особом мнении.

– Чего же вы от меня хотите?

– Чтобы вы убедили газету в ее заблуждении.

– Да что же? Я написал из Константинополя корреспонденцию, как выяснилось дело для меня, совершенно в разрез «Русскому страннику», – она не была помещена. Значит, газета верит ему больше, чем мне, или ведет свою политическую линию; я с этим ничего не могу поделать.

– Поезжайте сами в Армению и пишите оттуда...

– Позвольте спросить: на чей счет? Газета не пошлет; а если поеду на свой, то будут ли мои, так сказать, добровольческие корреспонденции обязательны? Не говоря уже о том, что мои друзья в журналистике поднимут крик: «Армяне купили!..» Ведь меня уже болгары «покупали», поляки «покупали», сербы «покупали». У нас стоит сказать о ком-либо доброе или даже не совсем злое слово, – кто-нибудь сейчас и кричит уже: «Куплен!»

В тот приезд Джаншиев был у меня раза три. Тогда он издавал «Братскую помощь» в пользу пострадавших армян и хотел, чтобы я дал туда свои константинопольские впечатления. Но тут подоспела у меня такая личная передряга, что стало не только не до армян, но, полагаю, я не слишком ужаснулся бы, даже кабы пол-Петрограда провалилось. Г. А. прислал мне два-три шуточные напоминания, а под конец сердитое: «Что человек не пишет обещанной статьи, это

можно объяснить безалаберностью и ленью, но – когда не отвечает на письма – это значит, он в рецидиве безграмотности».

Встретившись затем с Джаншиевым в Москве, я извинился перед ним, изъяснив ему свои обстоятельства, и он же переконфузился и стал вдвое больше извиняться, что «беспокоил меня своими дрызгами»:

– Ничего, ничего! Вы для второго издания напишите. Книга прекрасно идет. Будет второе издание.

Он горько жаловался на армянофобию, которая, по его мнению, быстро распространялась в русском обществе. Чуток он был к этому «растлению» поразительно. И даже чрезмерно подозрителен. Я не припомню сейчас, не имея под рукою его писем, за что именно, но вдруг в 97 году он мне прислал пресвирепое письмо – по поводу какой-то совершенно невинной шутки об армянах, хотя очень хорошо знал, что зла на армян я никогда не мыслил, не мыслю да и не могу мыслить по сотням связей, дружб и симпатий, от юности соединяющих меня с армянами Закавказья.

Последнее письмо от Г. А. – чрезвычайно ласковое – я получил столь же неожиданно, как и другие. Его письма, диктованные «гласом души», потребностью высказаться, всегда сваливались сюрпризом, – думаешь, человек давным-давно забыл о твоем существовании на белом свете, а он вдруг пишет. Оно пришло в мае 1899 года – по поводу «радикальной» программы, объявленной «Россиєю», и представляло целый трактат о веротерпимости и против национальных предубеждений.

В каждом поколении есть люди таланта, люди ума, люди действия. В поколении шестидесятых годов Джаншиев был бесспорно и умен, и талантлив, и деятелен, но, главным образом, он был человеком света, светоносцем.

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы,
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.
Когда же вдруг из тучи мгlistой

Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.
Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной...

Это стихотворение Фет будто о Джаншиеве написал. Только последние стихи:

*И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит, –*

надо для Джаншиева перевернуть в обратную антитезу:

*И чем ужасней сумрак ночи,
Тем ярче светоч мой горит!*

Ибо – вот уж о ком по правде-то сказать можно, что тьма не обьяла его.

Со светом, возжженным у огня шестидесятых годов, Григорий Аветович бестрепетно прошел свою честную жизнь не столько бойцом, сколько трубадуром великой эпохи. Он охотно брался, когда надо, за меч и храбро им бился, но настоящее оружие его – была лютня, даже немножко сентиментальная лютня. И слово свое, и дело отдал он безраздельно великой богине человечности, зарю царствия которой видел в 19 февраля 1861 года. Богине человечности он служил равно и в России, и в местах всесветного армянского рассеяния. Армян-сородичей он любил, как русских, а русских – как армян. Дай Бог каждому русскому так любить Россию, как любил ее армянин Джаншиев, и принести ей хоть треть той пользы, что он принес.

Я считаю Григория Аветовича идеалом гражданина, каким может стать в жизни совершенного русского общества образованный инородец, получивший в России свое воспитание, скрепленный с Россией всеми правами и обязанностями, горячо к России привязанный, сознающий себя русским политически, и в то же время не за-

бывший ни родного языка, ни родной веры, ни родного племени, чутко болеющий сердцем за его судьбы, полагающий душу, дабы улучшить его положение, сохранить и поднять его исторические бытовые особенности и права. Русские охранители полагают, что националист с окраин есть антипод националиста из центра, что иноходец и русский гражданин – начала чуть ли не противоречащие, что лишь русификация создает русских, и т. п. Увы! всюду, где мы применяли знаменитые русификационные меры, Джаншиевы не вырастали. Джаншиевых не видать между поляками, претерпевшими школу И. В. Гурко, не наезжает их и из Финляндии. Боюсь, что перестанут они наезжать и из Закавказья!

Патриот государства и патриот племени, – что так удачно совмещал в себе Григорий Аветович, – отлично уживаются между собою, когда государство и племена, им объединяемые, находятся в свободном и доверчивом равенстве, чуждом угрозы с одной стороны и рабского страха – с другой. А только такой совместный патриотизм и ручается государству, разноплеменному по составу населения, что прогресс его будет идти неуклонно стопою мирною и благоуспешною. Спасителен только патриотизм, вмещающий мирный труд в мирном и твердом равенстве гражданства и народностей. Всякий иной патриотизм – начало гибели, потому что диктуется хвастовством и угрозами силы, опирающейся на меч, обнаженный или готовый обнажиться, по востребованию. А – «взявший меч от меча и погибнет».

1900

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Гончар, Г. Мирзоян. Голос Александра Амфитеатрова</i>	3
Армянский вопрос	11
Приложение	
[Глава вторая из книги «Армения и Рим»]:	
Армения. Евфрат. Пути на Дальний Восток.	61
[О Г. А. Джаншиеве]	
Он был человеком света, светоносцем	100

А. В. АМФИТЕАТРОВ

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

*Составление, вступительная статья, примечания
Н. А. Гончар, Г. К. Мирзояна*

Комп. дизайн **А. Агузумян**

Размер: 60x84 1/16.

Тираж: 300.

Издательство ЕГУ, Ереван, Ал. Манукяна 1